

Александр АМБРОСЬЕВ

ААРЫМА*

П о в е с т ь

Пролог

Неподвижный холодный туман окутал землю. Ледяная макушка суровой зимы переполнилась лютой стужей, и в стылом тумане кажется, что время остановилось навсегда. Однако в какой-то неуловимый для простого смертного миг скрипящие полозья саней зимы сдвинутся в сторону тепла. Но до этого момента еще далеко, и в такие дни никто лишней раз на улице носа не кажет, а если и есть надобность, то с делами справляется споро. В необъятной тайге из застывших под снегом деревьев будто выдули остатки жизни, только дрожат промерзшие насквозь заиндевевшие ветви. Изредка тишину стоячего морозного воздуха нарушает оглушительный треск лопнувшего от неимоверного холода древесного сучка. Теплое дыхание мохнатых лошадок превращается в белое матовое облако, которое, чуть поднявшись над землей, медленно колышется вокруг них. Подышишь таким загустевшим воздухом, и вскоре в носу образуются щекочущие ноздри льдинки.

На западной стороне слившегося с белесым низким небом алааса**, в его глубине, стоит небольшой домик. Рядом с ним притулилось крохотное строение, где тихо и уютно урчит генератор. Время от времени из печной трубы человеческого жилища в темное небо вылетают пламенеющие искры. Сквозь легкие занавески пробивается свет, и кажется, что он рисует на плотно утоптанном снегу двора замысловатые танцующие узоры.

Внимательному взгляду открывается за аккуратной изгородью хозяйство, в котором, кажется, есть всё. Здесь и крытый добротным шифером большой сарай — там до поры до времени приютились сани, в которые запрягают лошадей, — а около него массивный длинный стол с ровными рядами брусков кристально чистого льда. Тут же летняя кухня с опрятной кирпичной печью для выпекания хлеба, чуть дальше

* Журнальный вариант первой части повествования. Перевод с якутского Алексея Амбросьева (Сизн Мунду).

** Алаас — типичный для равнинной Якутии ландшафт: поле округлой формы с пологими, как правило, склонами и чаще всего с озером посередине. Предки народа саха издревле селились по принципу «один алаас — одна семья». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

виднеется банька и кабинка душа. Возле длинного вместительного гаража сложены дрова. Поблизости, за домом, стоят большие огороженные стога сена. Один обширный загон пустует, а в другом едят сено две лошади, которые громко фыркают от удовольствия и топают копытами по мерзлой земле. В густом ельнике, возвышающемся на северной стороне усадьбы прямо за банькой, в объятиях разлапистых ветвей укрылся не тающий ни зимой, ни летом булуус — ледник для хранения всевозможных съестных припасов.

В один из таких холодных дней рядом с булуусом промелькнула тень матерого серого хищника. Это Аарыма*. Волк, подойдя к жилью вплотную, застыл, внимательно прислушиваясь к сторожкой тишине. Хозяйская собака Кыыстара**, свернувшись калачиком и спрятав от мороза нос под пушистый длинный хвост, забила в конуру. Из угла размашисто и тщательно расчищенного от снега двора, где стоит конура, обычно видно все, но сейчас пес не смотрит вокруг и к тому же не в состоянии учуять никакого запаха: появляющийся время от времени легкий южный ветерок дует со стороны человеческого жилья. Внутри дома шумит включенный телевизор. Этот звук слышен даже сквозь стены, значит, хозяин уже вернулся из поселка.

В свете луны тень Аарымы еще пару раз промелькнула между деревьев и исчезла. Волк приходил проведать двуногого соседа, с которым мирно уживался много лет, но с недавних пор они превратились в кровных врагов. Почему человек и волк, оба дети природы, вдруг стали врагами и начали, как говорили наши предки, выслеживать друг друга по горячим следам, преследовать по остывшим следам?..

Глава первая

Утрата

В прошлом году, чтобы восстановиться после весеннего гона, Аарыма с верной подругой направились к верховьям Большой речки, где они обычно охотились на диких оленей. По пути пара неожиданно наткнулась на стаю пришлых волков, которые загрызли кобылу из косяка их двуногого соседа: чужаки уже заканчивали свое роскошное пиршество. Это пастбище с никогда не пересыхающим глубоким озером и прекрасным травостоем находилось в отдалении от людского жилья и служило местом тебенёвки***. В последнее время там зимовал табун во главе с молодым горячим жеребцом по кличке Могул.

* Аарыма — очень большой, громадный, матерый.

** Кыыстара — ласковое обращение в народе саха к разным домашним животным. Часто используется помимо основного прозвища животного, можно перевести как «девочка», «доченька».

*** Тебенёвка — зимняя пастба, самостоятельная добыча лошадыми корма из-под снега. В поисках травы лошади раскапывают снег передними копытами.

Волки никогда не нападают на лошадей и других домашних животных вблизи своего логова. Волчица, верная и мудрая подруга Аарымы, передавала ему свои мысли, и он понимал ее (так разговаривают все звери): «Умные волки на богатство своего двуногого соседа не зряются, из-за одной скотинушки на кровную вражду не идут. Тогда человек не трогает тебя и не выслеживает. Ну а если случится непоправимое, то в кровной вражде между человеком и зверем выживет только один. И это будет не зверь. Не трогай людей: у них своя жизнь, у нас — своя. Нам с лихвой хватит и тех оленей, которых мы поймаем в верховьях нашей Большой речки». И действительно, Аарыма с верной подругой мирно соседствовали с человеком много лет, и его табуны длинногривых лошадей перестали их пугаться и обращать на них внимание. Даже когда они пробегали мимо.

И вдруг откуда ни возьмись появилась большая стая волков, задравшая кобылу их двуногого соседа и отворившая тем самым врата войны. Предвидя, к каким последствиям может привести поступок чужаков, Волчица пришла в ярость и ощерила пасть. Чужаки поняли, что сейчас им предстоит смертельная схватка с хозяевами этих мест. Аарыма, страшный в своей злобе, шел прямо на них, прижав уши и пригнув лобастую голову, а рядом была его верная подруга. И чужаки, хоть и зубастые и наглые, притихли и предпочли убраться восвояси.

Вскоре за ними в верховья речки направилась и Аарыма с подругой. Как местные волки и предполагали, стая чужаков до этого уже основательно похозяйничала там, везде были их следы. Пара по знакомой ей тропе перебралась на противоположный берег, чтобы поискать свежие следы оленей.

Верная спутница Аарымы вдруг уловила запах двуногих, и у нее окончательно испортилось настроение. Эти пришлые двуногие выкорчевали деревья, перерыли и обезобразили землю, избороздив ее железными когтями, проложили запутанные дороги, исполосовав ими вдоль и поперек леса и алаасы. После них остались уродливые котлованы и незарастающие колени, выглядевшие словно шрамы на живом теле. Волчица видела, что вековая тайга не устояла против могучей техники и в родном для нее лесу начались тревожившие ее перемены. А еще Волчица думала о встреченной ими сегодня стае волков, легко проникшей в их земли по дорогам, проложенным такими же чужими для этих мест двуногими. Эти волки, как и все временщики, неписаных законов тайги не признавали, поступали как им заблагорассудится. Волчица знала, что с чужаками они с Аарымой никогда не уживутся, ибо их родные места не могут прокормить такое количество хищников.

Пока Аарыма изучал оленьи следы, Волчица решила разведать, куда направилась стая чужаков. Она побежала легкой рысцой и заметила сбоку от себя странные следы. Свернула туда, чтобы рассмотреть внимательнее... Вдруг что-то лязгнуло, и ее лапу обожгла нестерпимая боль. От неожиданности самка резко отскочила в сторону, но раздалось

звяканье натянувшейся железной цепи, и она со всего размаху рухнула на землю. Волчица, еще не понимая, что происходит, завертелась юлой, пытаясь освободить лапу из капкана, и тут сработал сторожевой механизм силка из стальной проволоки. Изуверское изобретение мгновенно обвилось вокруг шеи, сдавило горло так сильно, что Волчица даже не могла дать знак своему волку. Она издавала лишь сдавленный хрип. С каждым ее движением стальная проволока затягивалась все туже и туже, самка начала задыхаться. Слабеющий слух еще уловил вдали какие-то звуки, но потом перед глазами все померкло, и сознание покинуло Волчицу.

Тем временем Аарыма нашел оленье стадо, умело отделил от него четырех оленей и погнал их на Волчицу. Он давал понять громким воем, в какую сторону они бегут, чтобы самка могла перехватить их. Этот вой и был последним, что Волчица слышала в своей жизни. Но Аарыма еще не знал, что его верной подруге больше не охотиться в родной тайге, не нежиться в ласковых лучах солнца, не рыскать по лунным полянам и не растить мохнатых игривых волчат.

...Они были свободными детьми бескрайней и прекрасной тайги и соблюдали ее священные законы. Добывали животных не ради забавы, а для пропитания — чтобы выжить, и в основном больных и ущербных, так что не зря волков называют санитарями леса.

Волчья пара — это образец любви и верности. Она образуется на всю жизнь. Аарыма и Волчица не подпускали чужие стаи к своим владениям и потому мирно соседствовали с двуногими — не трогали их, и люди не беспокоили волков. Впрочем, многие сельчане даже не догадывались, что рядом с ними обитают самые умные создания тайги. Да что там двуногие, кажется, даже большинство мелких зверушек и пичужек никогда не видели местных волков и тоже не догадывались об их существовании.

Вмиг осиротевший волк провел трое суток возле закованного тела верной подруги. И все это время он не переставая выл — то низко, то взмывая голосом к высоким нотам. Это было похоже на плач человека, изливающего в бесконечной печальной песне всю боль и горечь утраты в подлунном мире. Волку казалось, что это он умер, что это ему переломили хребет и вынули душу...

Потом Аарыма, приняв важное решение, направился по следам пришедшей стаи. И уже вскоре узнал, что чужаков выслеживают вооруженные люди на железных конях*. Волк теперь особо тщательно принюхивался к запахам двуногих — он начал искать тех, кто погубил его верную подругу.

Время шло, и дни стали заметно длиннее. Уже скоро снег станет мягче и осядет.

* Так волк воспринимал снегоходы «Буран».

Судя по всему, стая хищников в эти края пришла надолго. Чужаки, среди которых было много переярков, чувствовали себя вольготно. Обучением молодых волков в стае не занимались, а без разбору убивали любую живность двуногих. Эти волки не боялись охотников — звери успевали еще издали услышать шум моторов и заранее убирались с тех мест, где убили очередную кобылу. Хорошую услугу им оказали такие же пришлые, как и они, люди, проложившие сквозь вековую тайгу сотни километров временных дорог для своей техники. Волки не вязли в глубоком снегу, не тратили сил зря и потому по этим «таежным трассам» легко и быстро оказывались в любом месте леса.

Аарыма неотступно следовал за пришлой стаей и даже специально перестал охотиться, чтобы не отставать от них. Теперь он питался остатками добычи чужаков — это в основном было мясо кобыл и рано родившихся жеребят. Незаметно для себя пристрастился к подобной еде, которая оказалась очень вкусной и питательной. Он на себе почувствовал, что это мясо дает много сил и энергии: пообедавший им долго не устает и не мерзнет. И это вовсе не удивительно — табуны нагуливали жир на отборных пастбищах алаасного разнотравья. В придачу к этому вдоволь питались нежной осенней отавой, появлявшейся после сенокоса. Да и на зиму двуногие всегда припасали разные корма для своих длинногривых любимцев.

Однажды стая, задрвав очередную кобылу и набив животы, устроилась отдыхать на густо заросшем деревьями большом увале. Увидев это, всюду следовавший за ними местный волк направился в сторону охотничьей избушки, чтобы как бы невзначай попасться людям на глаза. Уловка удалась. Охотники оседлали железных коней и погнались за ним. Аарыма не стал отрываться от преследователей, а нарочно дал им возможность пристроиться за ним и по широкой дуге обогнул лесное возвышение, где находились волки. Как Аарыма и предполагал, вскоре волчатники по следам догадались, что обложили на возвышении стаю, за которой гонялись все это время. Переговариваясь по рации, окладчики осторожно сделали еще один круг, огородив увал специальной широкой лентой, которая трепетала от малейшего движения воздуха.

Казалось, что они вовсе забыли об одиноком волке, но он знал, что это не так. Когда, сделав для верности крюк в пару десятков километров, Аарыма уже в сумерках затаился во временной лежке, то увидел, как по его следам проехали охотники на железном коне. Волк знал, что эти двое далеко не уедут: уже темнеет и они скоро вернуться в охотничью избушку. Так оно и случилось, а обложенные на лесном возвышении волки выли всю ночь. Они приближались к ленте, но перемахнуть ее не решались. И также всю ночь дежурили, сменяя друг друга, волчатники.

Назавтра охотников стало значительно больше. Часть из них осталась на дорожной насыпи в качестве стрелков, другие — загонщики — направились на «Буранах» к увалу. Но днем снегоходы вязли в мокрой снежной каше, моторы ревели и перегревались. Загонщикам, которые

должны были выгнать волков из лесного массива, пришлось спешить-ся. Движение значительно замедлилось, тем не менее круг начал неу-молимо сужаться. Стрелки застыли в ожидании.

Аарыма задумался. Он решил разведать обстановку, чтобы узнать, где затаились стрелки. Волк несколько раз подходил к ленте, громко выл. Однажды среди волчатников заметил охотника, который в этих местах промышлял давно. Значит, подумал он, двуногий должен быть опытным стрелком. Перемахнув ленту, Аарыма направился в сторону волков и громко завыл. Те сразу опознали его. Они были уверены, что это именно он выдал место их лежки охотникам. Стая ринулась к нему с явным намерением растерзать его. Готовый к подобному развитию со-бытий, волк побежал в сторону знакомого ему стрелка. Только он пе-репрыгнул ленту, как раздался сухой выстрел, вздыбивший снег всего в двух-трех шагах впереди него. Волк хотел подвести погнавшуюся за ним стаю прямо к охотникам и чуть не поплатился за это. На его счастье, Баай Барыылаах Байанай* оказался на его стороне — охотник промах-нулся. «Впредь надо быть осторожнее», — подумал Аарыма. Звук вы-стрела выдал охотников. Он вспугнул бегущую за Матерым стаю, и она вернулась обратно к спасительному лесному возвышению.

Следующий день выдался теплее предыдущего.

Аарыма продолжил свои «игры» и в этот раз решил вывести стаю на другого стрелка. Перескочив через ленту, он с громким воем побежал в сторону волков. И чужаки вновь, оскалив зубы, ринулись за ним. Ма-терый не стал испытывать судьбу, пустился наутек и снова перепрыг-нул через ленту. Стая в какой-то момент довольно близко подобралась к нему, но неожиданно завернула к озеру и понеслась вдоль него прямо к большой дороге. Один из переярков, бежавший впереди всех, даже не понял, что отставшие от него волки свернули в другую сторону. При-близившись к ленте, он замедлил ход, и этого хватило, чтобы стре-лок уложил его одним метким выстрелом. Сегодня Байанай улыбнулся охотнику.

Как оказалось, обложенные волки не зря побежали в сторону озе-ра. Они заметили брешь, образовавшуюся оттого, что сильный порыв ветра оборвал ленту. И через эту лазейку хищники вышли на дорогу, перебрались на другую сторону и были таковы. По всей видимости, в этот раз они сразу направились к родным местам — следы вели к вер-ховьям Большой речки. Аарыма теперь был уверен, что предстоящим летом никто не будет посягать на его владения, охотиться на его добы-чу. Он остался без верной мудрой подруги, но ему хотя бы удалось с по-мощью хитрости избавиться от непрошенных гостей. Наглая стая чужа-ков до осени уж точно не появится в этих местах.

Все это время Аарыма не переставал искать того, кто погубил его верную подругу. Надеялся, что встретит этого двуногого на шумной

* *Байанай* — дух леса, покровитель охотников и рыбаков. *Баай Барыылаах* — постоянный эпитет к имени Байанай. Буквально — «имеющий богатство», «богатый».

облаве, но нужного запаха так и не учуял и потому легкой трусцой привычно направился в сторону родного логова. Его тень в лунном свете казалась громадной.

Поиски убийц

Наступила обычная для весны переменчивая погода — ночью основательно подмораживало, а днем все кругом тихонько таяло. При ходьбе из-под снега выступала талая вода, поскольку земля была еще мерзлая и влаги некуда было деваться. К тому же нынче зимой выпало как никогда много снега, так что он еще не скоро сойдет.

Какое-то непонятное чувство потянуло Аарыму к тому месту, где они с верной подругой впервые встретили пришлых волков. Когда волк пробегал мимо остатков некогда роскошного пиршества чужаков, ему неожиданно почудился едва знакомый запах. Он остановился, обнюхал основания мшистых кочек и вдруг понял, что наконец-то нашел то, что искал все это время! Трудно кому-то сравниться с волком по способности различать запахи, вот и Аарыма учуял из тысячи окружавших его ароматов нужный ему.

Волк еще раз тщательно все обнюхал и определил, что двуногих было трое. Первым был человек, который увез на железной упряжке закованное тело его верной подруги, второй запах оставил его напарник, а вот третий принадлежал двуногому соседу Аарымы! От этого неожиданного открытия у Матерого потемнело в глазах, гулко-гулко забилося несчастное волчье сердце и стало трудно дышать... Придя в себя, Аарыма припустил в сторону жилища двуногого соседа.

Приблизившись к знакомым местам, волк выбрал путь через лесистую возвышенность, растянувшуюся между двумя алаасами. Волк знал, что люди не любят буреломы, и потому, хоронясь за завалами беспорядочно упавших елей и лиственниц, можно было незаметно подобраться к человеческому жилью.

По пути Аарыма подкрепился попавшимся, на его удачу, в силки соседа зайцем. При этом вспугнул крупного черного ворона, дремавшего среди густых ветвей в ожидании рассвета и наверняка также собиравшегося позавтракать зайчатиной. Прожившая на свете немало лет птица весьма удивилась, увидев серого волка вблизи человеческого жилья. Она всполошилась и издала истошный крик. По ее разумению, место хищника где-то в тайге или в верховьях речки, но только не здесь. Ворон еще долго недоуменно вертел головой, а его круглые блестящие глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

Аарыма крадучись пробрался к лужайке за забором. Тишина. Почему-то не слышно собаки, а ведь она могла и унюхать его. Обойдя кругом ледник, волк дошел до уборной, но никого и ничего подозрительного не заметил. Собаки, оказывается, на месте не было. Хозяина дома, судя по всему, тоже не было — он имел обыкновение рано затапливать

печь. Если собака побежала за двуногим, рассуждал волк, то должна вернуться с развилки большой дороги. Значит, до ее возвращения надо исследовать двор и определить, кто приходил к хозяину усадьбы. Продолжая внимательно прислушиваться, волк тщательно обнюхал плотно утоптаный снег двора перед домом. Двуногие, убившие его верную подругу, тут побывали лишь проездом. И это было давно, свежие запахи отсутствовали.

Вскоре в доме послышался шум и из печной трубы показался сизый дым. Он нежной шелковой лентой заструился вверх, в уже давно просветлевшее прозрачное небо весны. Хлопнула дверь, и показался незнакомый волку двуногий. Медленно переставляя слегка согнутые в коленях ноги, он направился в сторону загонов, где стояли лошади. Невысокого пожилого мужчину нельзя было назвать табунщиком в полном смысле этого слова, тем не менее это был человек, присматривающий за лошадьми. Вот и сейчас он вышел во двор, чтобы подбросить сена старой кобыле и еще двум длинногривым, стоящим в отдельном загоне. Собираясь вытянуть железным крюком порцию застогованного сена, он краешком глаза заметил позади себя собаку. «Ты смотри, я-то думал, что она вчера вечером увязалась за хозяином, а оказывается, все это время тут находилась», — подумал он. Вытащив при помощи крюка несколько больших охапок сена, мужчина сложил аккуратную копну, и в это время вдали послышался знакомый лай. Удивленно подняв голову, он увидел хозяйскую собаку, не спеша трусившую к дому со стороны большой дороги. «Это как понимать?» — пронеслось в голове человека, и вдруг его прошиб холодный пот. Мужчина резко обернулся, но позади него уже никого не было. Он только сейчас понял, что совсем недавно на него смотрела вовсе не собака, а самый что ни на есть настоящий волк. Воображение услужливо подсказывало, что зверь был просто гигантского размера, в несколько раз больше их собаки. «Такой, глядишь, проглотил бы и не поперхнулся. Чуть завтраком серого разбойника не стал!» — подумал мужчина и представил, что по привычке попытался бы погладить собаку...

Вдруг собака громко залаяла и рванулась в сторону леса. Но, пробежав всего несколько метров и увязнув в глубоком снегу, живо повернула назад. Мужчина, глядя на нее, засуетился. Его даже сейчас от одного воспоминания о волке бросало в жар. Он наспех раскидал сено и засеменял в сторону дома. Открывая дверь, заметил, что дрожат не только руки, но и вечно болящие ноги: врачи давно поставили ему диагноз «артроз обоих коленных суставов».

«Совсем постарел... Так перепугался, что аж душа в пятки ушла... Слишком все неожиданно, да и громадная зверюга была...» — думал пожилой человек, подбрасывая в печь дрова. Потом громко чертыхнулся, вспомнив, что хозяйская собака очень уж похожа на волка. Такая же лобастая, такой же серо-бурый окрас, а хвост, длинный и толстый, всегда стелется над землей — точь-в-точь как у серого хищника. Хозяин

рассказывал, что это псу в поселке машина хвост отдала. Наверное, именно это внешнее сходство волка и собаки и запутало мужчину, тем более что он особо не приглядывался, а стоял к зверю спиной.

Немолодой мужчина в тот день больше во двор не выходил. Выглянул лишь под вечер, и то предварительно пальнув в воздух из ружья. На следующий день кормежка старой кобылы и двух лошадей превратилась в мучительный для человека процесс. К загонам он отправился с ружьем и в сопровождении хозяйской собаки. Выйдя во двор, вновь начал громко ругаться: лошади, не дождавшись привычной утренней кормежки, изрыли копытами всю землю возле дома. Хозяину усадьбы это явно не понравится. Пришлось, озираясь, отвести лошадей к загонам.

Для Аарымы также стало неожиданностью, когда, обойдя загоны и собираясь вернуться в лес, он столкнулся с незнакомцем. Хорошо, что в тот момент человек не обратил на волка внимания, точнее, не понял, кто перед ним.

Теперь волк стал постоянно навещать к дому, когда хозяин отсутствовал, а был только приглядывающий за усадьбой немолодой мужчина. Зверь чувствовал, что тот боится его. Хозяйская собака изредка облаивала волка, тогда он спокойно уходил в родной лес.

Через несколько дней из поселка на попутной машине приехал хозяин дома и почти сразу отправился обходить свои табуны. Осмотрев их, распорядился добавить сена и дать дополнительную подкормку. Аарыма, узнав о возвращении двуногого, оставил усадьбу в покое. До поры до времени. Он, честно говоря, в душе остерегался этого человека, который совсем не боялся его. Отсутствие страха волк чувствовал по исходящему от хозяина дома запаху — он был совсем другим, нежели у невысокого пожилого человека. Кроме того, волк видел, как уверенно ведет себя двуногий.

Хотя хозяин дома и приехал, но с ним не было тех двоих, убивших верную подругу Матерого. А ведь именно в ожидании встречи с ними Аарыма встретил весну здесь. Но волк был убежден, что они рано или поздно появятся.

Однажды хозяин усадьбы натянул вокруг пастбищ черную блестящую ленту и, уверенный, что обезопасил детей Джёсёгея*, вернулся в поселок. Узнавший об отъезде двуногого соседа Аарыма покинул логово и направился в сторону табуна, где одна из кобыл ожеребилась раньше всех. Он решил завалить того жеребенка и рассматривал это не как разбой, а как справедливую месть за убитую подругу. Аарыма до сих пор был уверен, что именно его сосед навел охотников на места обитания волчьей пары.

...Пастбище, где находился табун лошадей с намеченной жертвой, также было обтянуто черной блестящей лентой. Она громко шуршала на

* Джёсёгей — в мифологии народа саха небесный покровитель коней и отважных мужчин.

ветру, словно предупреждая всех, что приближается серый разбойник. Волк на какое-то мгновение даже остановился, не решаясь сразу перемахнуть через ленту, уж слишком еще был силен запах знакомого человека, который не боялся его.

К пасущимся лошадям волк подкрался по следам самих двуногих. Может быть, приглядывающий за хозяйством пожилой человек где-то тут, но Аарыма его ничуть не боялся. Хоть тот и был вооружен, волк не чувствовал в исходящих от него запахах угрозы для себя, наоборот, чуял страх самого человека. Матерый замыслил поживиться жеребенком, чтобы хозяин табуна, узнав об этом, позвал для поимки серого хищника тех двух охотников. И тогда Аарыма встретит их...

Ночью в лужах вода все еще промерзала до дна. Лошадям в такое время приходится туго, так как они могут легко поранить ноги о ледяной наст. И потому, добравшись заранее до пастбища, они дремлют в ожидании наступления утра, когда чуть потеплеет и можно будет без опаски копытить уже подтаивающий снег. Стояла тихая безветренная ночь, лишь изредка нарушаемая легким движением весеннего воздуха. Появившийся на свет раньше всех жеребенок устроился на прогретой за день проталинке и спал. Отдыхали и кобылы, которым роды еще только предстояли. Вожак табуна, молодой и сильный Тулуур — семилетний жеребец саврасого окраса, сын известного в этих местах жеребца по кличке Туллая, — на всякий случай обошел пастбище, но вроде все было спокойно, и вскоре, мотая время от времени головой, он задремал.

В самые суровые месяцы года двуногие часто подкармливают табуны, подвозя на тяжелой технике сено и другие корма. И в проложенных за зиму глубоких колеях снег начинает таять раньше, чем в нетронутых колесами и гусеницами местах. Именно по такой рано почерневшей земле к лошадям подбирался громадный волк. Он ступал бесшумно, словно лаская землю мощными мохнатыми лапами. На фоне темных елей было невозможно различить его хищную тень. Встречный воздух доносил до него терпкий запах кобыл, которые и представить не могли, что смертельная опасность грозит со стороны дороги, по которой к ним всегда приходила помощь.

Тулуур неожиданно вздрогнул и проснулся. Вокруг стояла мертвая тишина. Окружающий пастбище ельник затаился в ожидании какого-то важного события. Саврасый вожак обошел по кругу косяк кобылиц, все дремали — кто стоя, кто лежа. Но спокойствия в душе жеребца почему-то не возникло, ему, наоборот, показалось, что что-то страшное нависло над ними. Тревога росла, и он стал будить кобыл ржанием, ударом головы насильно поднимая крепко спящих. Вскоре все собрались в тесный круг. Вдруг показалась хозяйская собака, которая, словно подлизываясь, тихо ластилась, чего с ней никогда не бывало. Раньше, если слишком близко подойти к ней, могла и за ноздри пребольно укусить. Что это с ней?

Как оказалось, саврасый жеребец беспокоился не зря — скоро на этой поляне разыграется вечная драма жизни и смерти.

Мечь

Вслед за вожакom в сторону собачьей тени выжидательно посмотрел и весь табун. Кобылы привыкли, что пес обычно появляется вместе с хозяином, и некоторые лошади, думая, что это он, направились ему навстречу. Резво поскакал к собаке и жеребенок, несмотря на тихое и ласковое ржание матери, не разрешающей ему отходить от нее далеко. И вдруг тихо ползущий пес вскочил. Только сейчас до длинногривых детей Джёсёгея дошло, что к ним, прикинувшись собакой, подкрадывался волк! Из-за усилившегося ветра, дувшего в сторону серого, исходящий от него запах смерти, который лошади обычно чувят за версту, в ноздри им ударил лишь тогда, когда хищник предстал самим собой.

Прискакавший с детским любопытством тонконогий жеребенок повернулся, чтобы убежать под защиту матери, и тут волк сделал гигантский прыжок. Миг — и его зубы вонзились в нежную плоть шеи. Нападение было столь стремительным, что хищник по инерции перекувыркнулся вместе с почти невесомой жертвой, успев разорвать тонкое горло жеребенка еще в воздухе. Примчавшаяся на помощь сыну кобыла моментально развернулась и нанесла задними ногами мощный удар, но промахнулась. Успевший уклониться от удара хищник отреагировал мгновенно — едва смертельно опасные для него копыта лошади опустились на землю, как волк вцепился зубами в ее заднюю ногу, стремясь разорвать сухожилия. Волчий план мог бы закончиться успехом, если бы не подоспел вожак табуна и с ходу не ударил Матерого передним копытом. Аарыма едва успел увернуться, но копыто все-таки задело по касательной его череп, отчего у серого хищника загудела голова, и он, разжав челюсть, отпустил добычу.

У волка хоть и затуманилось в голове, но ему хватило сил достичь в два прыжка ближайшей опушки, где он залег под большой лиственницей и, положив гудящую от удара голову на передние лапы, стал наблюдать за табуном. Боль не проходила. Саврасый жеребец собрал разбежавшихся во время нападения кобыл и погнал их в сторону другого алааса. Посреди пастбища виднелась тушка жеребенка, вытянувшего ноги в смертельной агонии. Кровь уже вытекла из разорванного горла и теперь сочилась тонкой струйкой. У маленького тельца стояла мать и, словно приговаривая: «Вставай, сынок! Вставай!» — тыкалась мордой в уже безжизненное и начинающее коченеть тело. Подошел жеребец и чуть ли не силком направил кобылу в сторону остальных лошадей. Пора было уходить. Пока табун двигался к краю алааса, несчастная мать еще несколько раз пыталась вернуться к мертвому жеребенку, но вожак оттеснял ее, не позволяя этого сделать. Только сейчас она почувствовала

острую боль от волчьих зубов и, сильно прихрамывая, медленно скрылась за деревьями вместе с саврасым вожак.

Умом кобыла понимала, что она навсегда потеряла жеребенка, но сердце матери отказывалось это принимать. Ей было трудно поверить, что сыночек не будет больше резвиться на проталинке, подпрыгивая на тоненьких ножках, что он больше не будет тыкаться мягкой влажной мордочкой в ее гудящее, переполненное молоком вымя...

Саврасый все это время шел рядом, следя, чтобы она не отстала и не повернула обратно. Другие кобылы часто и брезгливо фыркали, пытаясь поскорее избавиться ноздри от тошнотворного запаха свежей крови. Они шли неторопливо, однако были готовы по первой команде Тулуура свернуть в нужную сторону. Но вроде больше никто нападать на них не собирался, и табун вскоре благополучно достиг безопасного пастбища недалеко от усадьбы хозяина. Они остановились, решив дать набраться сил раненой кобыле. Разбредаться по лугу не стали, а сбились в тесный круг, чтобы, прислушиваясь к тишине, которая все еще таила опасность, дожждаться рассвета.

Никто не знал, как отразится эхо разыгравшейся ночью трагедии на судьбе каждого из них — и человека, и хищника, и длинногривых детей Джёсёгея...

Аарыма считал, что ума ему не занимать, но сегодня из-за его собственной глупости вожак табуна чуть не раскроил ему череп. Волк же видел, что саврасый жеребец находится в самом расцвете сил, да и размерами бог Джёсёгей его явно не обделил. «Не нужно было в пылу азарта на кобылу нападать, — размышлял Матерый. — Ведь вожак табуна был совсем рядом». Когда боль постепенно утихла, волк направился к задранному им жеребенку, чтобы наконец-то вкусить еще теплого мяса и восстановить силы. Разорвав едва уловимым движением острых зубов живот, он проглотил его нежное содержимое, даже не разжевывая. Заморив червяка, не спеша приступил к мясистому заднему бедру. Затем волк легко перекусил могучими челюстями еще совсем тоненький хребет, потом хотел было разделаться с другими вкусными мозговыми костями, но почувствовал, что каждый кусок отдается в затылке тупой болью. Тем не менее вскоре от жеребенка осталась лишь шкурка с крохотными копытцами и маленький череп на шейных позвонках.

Наевшись, Аарыма не захотел вязнуть в глубоком снегу, а предпочел выбраться по своим следам обратно на дорогу хозяина. Уже по прекрасно утрамбованной тяжелой техникой трассе он порысил в сторону большой дороги, чтобы запутать следы. Через некоторое время уловил запах перебежавшего дорогу оленя, погнался было за ним, но вскоре передумал. Решил, что ему надо, сделав большой круг, вернуться к месту убийства жеребенка, — он теперь был уверен, что хозяин табуна уж точно приведет тех двух охотников, которые убили верную подругу волка. Аарыма будет дожидаться кровных врагов на другой стороне пастбища... Он искал их всю зиму и весну, но до сих пор не знает, что будет при встрече.

А олень никуда не денется — он так и будет пастись в редколесном распадке с образующимся летом небольшим озерцом со стоячей водой.

Волк бежал, и в его голове неотвязно вертелось: «Придут? Не придут? И что будет, когда они наконец-то появятся?»

Дымовая атака

Утром присматривающий за кобылами пожилой человек, не спеша и привычно раскачиваясь на больных ногах, пришел к месту тебенёвки табуна Тулуура. К своему немалому удивлению, он встретил косяк кобыл уже на ближнем алаасе. Мужчина потратил немало усилий, пытается отогнать их обратно. Уже на месте, кряхтя и чувствуя привычную ноющую боль в суставах, едва протиснулся в застожье. Отдышавшись, разметал за изгородь столько сена, чтобы кобылам хватило на несколько дней. Пока махал вилами, увидел, что собака возится с какой-то костью. Подойдя поближе, понял, что это останки их первого в этом году жеребенка. «То-то гляжу, что в табуне его нет, думал, что умаялся и отстал. Уснул где-то в сугробе, и его не видно», — произнес он вслух, будто разговаривал с кем-то. Затем подцепил вилами и перевернул то, что осталось от тушки, и вдруг заметил волчьи следы. Его аж передернуло — это были совсем свежие отпечатки лап напугавшего его матерого волка, которые ни с какими другими следами он спутать не мог. Он суетливо огляделся по сторонам, пальнул на всякий случай из ружья в воздух и, как мог быстро, засеменял в сторону жилья.

...Двуногий сосед волка был в ярости. Он решил переместить место подкормки табуна поближе к жилью. В течение двух дней и ночей они с немолодым помощником подтаскивали на санях сено к большому загону, заполняя его до отказа. И в течение двух дней и ночей над алаасом стлался черный смрадный дым от горящих старых автомобильных покрышек, которые хозяин лошадей привез из поселка и поджег. Но тот, кого ждали люди, так и не появился.

А Аарыма в это время был уже далеко, не слышал пустой пальбы и не видел черного жирного дыма, застилавшего серое низкое небо. Он по-хозяйски обежал немалую площадь, принадлежащую ему, заглянул в самые дальние уголки, изучил и запомнил следы. И только сегодня вечером возвращался с верховьев Большой речки в сторону логова. Чем ближе волк подходил к родным местам, тем сильнее становился щекочущий ноздри запах чего-то горелого, который, как показалось ему, впитался в каждую веточку и листик окружающего его леса. Ощущение было не из приятных. В том месте, где Матерый задрал жеребенка, он обнаружил обугленные останки, которые двуногие сожгли на чем-то таком, от чего провонял весь его родной лес.

Стояла тихая лунная ночь. В невероятной высоте неба загадочно мерцали звезды. Деревья в лунной синеве казались таинственными,

отбрасывали длинные черные тени. Днем солнце основательно прогревало прозрачный весенний воздух, и снег уже давно сошел с южной стороны косогоров, а также с мест постоянной тебенёвки лошадей. Но в лесной чащобе снег лежал по-прежнему, он, как водится, растает в последнюю очередь. Матерому, окидывавшему внимательным взором родные места, нестерпимо захотелось завывать во все горло, но он сдержался. Конечно, он догадывался, что причиной всему действия его двуногого соседа, иначе этого маслянистого вонючего запаха здесь никогда бы не было.

Неизвестно, сколько бы Аарыма размышлял подобным образом, не обращая внимания на привычное тарахтение трактора, если бы вдруг со стороны людского шума в небо не вырвались клубы черного дыма. Шум нарастал. Двухногие двигались в его сторону. Решив разузнать, есть ли среди них те люди, которые убили его верную подругу, волк принялся изучать следы и запахи. Свернув на дорогу, ведущую в направлении шума трактора, Аарыма прибавил ходу. Его вначале не удивило отсутствие свежих следов железных саней, он подумал, что двухногие, убившие Волчицу, могли приехать другим путем. Только пару-тройку раз в поисках свежих следов сунувшись в островки леса, волк осознал, что смрадным дымом теперь несет со всех сторон и он начинает нещадно щипать ноздри и жечь глаза. «Надо уходить», — подумал волк. Но не тут-то было! Куда бы он ни повернул, всюду его встречал тот же густой смрадный дым. У Матерого закружилась голова, а глаза слезились и плохо видели. Вдобавок ко всему он почти перестал различать запахи. Когда попадались особо густые клубы дыма, то ему казалось, что черная жирная копоть намертво прилипает к стенкам носа, щекоча и раздражая их. Еще немного — и вольный зверь, выросший в тайге, заблудился бы в редколесье. Если бы не уши, то волк, кажется, сам бы выскочил прямо к табунщикам. Уж тогда-то двухногий сосед своего шанса не упустил бы! Аарыма много лет соседствовал с ним и прекрасно знал, как тот стреляет из ружья. Попал бы точно промеж глаз.

Только потом волк догадался лечь пластом на снег. Над самой землей дым был, как оказалось, не такой густой, и теперь Матерый чувствовал лишь запах прилипшей к стенкам ноздрей гари. Немного отдышавшись, заметил, что там, где усадьба двуногого, дыма вроде бы нет. Улучив момент, когда фары трактора отвернули в сторону, волк ползком выбрался на дорогу, ведущую к дому. Пробежав пару километров и поняв, что погони нет, волк свернул в лес и уже спокойно потрусил к верховьям речки.

Впрочем, спокойствие скоро сошло на нет, поскольку хищник почувствовал, что совсем перестал различать запахи. Сколько бы ни фыр-кал, стараясь избавиться от ощущения постоянно щекочущей ноздри гари, ничего не получалось — он не чувствовал запахов. Никаких. Волк знал, что его кормят не только ноги, но и уникальный нюх, и теперь он его потерял. Как ему выжить, если перестанет различать, где добыча, а

где враг? Но его уныние продолжалось недолго: чем дальше уходил он в тайгу от людей, тем явственнее ощущал, что нюх к нему постепенно возвращается. Волк немного успокоился, но это было совсем не то обоняние, что было до происшествия. Видимо, так и будет, пока облепившая нежные, чувствительные обонятельные волоски жирная гарь окончательно не выветрится из волчьего носа.

Аарыма дал себе зарок: в присутствии двуногого соседа в его усадьбу не соваться. Не стоит рисковать лишней раз. Нынешние люди ездят на технике, шум которой слышен издалека, так что при желании всегда можно быть в курсе того, кто приехал к соседу или уехал от него. Также волк решил, что отдохнет, уединившись в верховьях своей речки, а заодно и поохотится на убежавшего от него одинокого оленя. Почему-то в эту ясную лунную ночь вечный друг волка небесное светило, казалось, смеялось над ним, а игривые мерцающие звезды в вышине были готовы пуститься в пляс, насмехаясь над ним и его мыслями. Аарыма вновь взгрустнул, вспомнив верную подругу, а сердце сжалось от неизбывной боли. Отбрасывая тень, похожую на обрубок толстого бревна, волк запрокинул лобастую голову к небу и начал вечную песнь о жизни и смерти, любви и печали, верности и расставании...

Огненный дождь

Как Аарыма и задумывал, он славно отдохнул в верховьях Большой речки. Между тем набрала силу весна. И все это время двуногие не беспокоили его, да и он не искал встречи с ними. Обоняние полностью не восстановилось, но здесь, в хорошо знакомых ему с детства местах, в родной тайге, он уж точно не упустит добычу, всегда узнает, кто и зачем приходил.

Сегодня волк собрался поохотиться на того самого оленя, за которым не стал гнаться в прошлый раз. Решив удостовериться в том, что добыча никуда не ушла, Аарыма сделал большой круг. Следы подтвердили его догадки — олень был на месте, в редколесном распадке с образующимся летом небольшим озерцом со стоячей водой. Определив направление ветра, волк добежал до нужной ему точки и выбрал самый короткий путь для скрадывания. Одно плохо — солнце окажется сбоку, но это охота, пусть и у оленя будет шанс на спасение, ведь у нападающей стороны всегда есть преимущество. Стараясь ступать очень тихо, вжавшись в землю между кочек, Аарыма начал подкрадываться к добыче, словно маленькая гибкая кошка. Время от времени он останавливался и замирал, чутко прислушиваясь ушами-треугольниками к обстановке. В такие моменты он становился похожим на музейное чучело. По предположениям волка, справа, где кончается высокий кочкарник, должно было быть то самое маленькое круглое озерцо с чистой прозрачной водой. Олень наверняка пасется рядом — там для него есть обильная пища.

Пока волк подкрадывался, повсюду начало светить весеннее солнышко. Значит, скоро прилетят утки, а вместе с ними придут двуногие, и он будет вынужден искать себе более тихое место для охоты.

Чуть дальше высокого болотистого кочкарника в озерцо вдавался узкий мыс, густо поросший тальником. По нему волк подошел вплотную к месту, где должен был находиться олень. Запахов было много, но серый охотник не сумел определить, какой из них самый свежий. Долго стоял, прислушиваясь и стараясь уловить и различить запахи. С тех пор как он надышался черного смрадного дыма, обоняние до конца так и не восстановилось. Но Аарыма надеялся, что загонит жертву в высокий кочкарник у озера и, тихонько подкравшись, завершит нападение стремительным броском. Только волк сдвинулся в очередной раз с места, как в тальнике на противоположной стороне зыбкой мари что-то мелькнуло. Все произошло, когда хищник находился напротив солнца, и он не сразу сумел разглядеть, что это было. Лишь мгновения спустя понял — это был олень, к которому он так долго и тщательно подкрадывался. От досады серый хищник стремглав бросился к добыче прямо через марь! Как назло, кочки действительно оказались высоченными, а между ними была вязкая болотная жижа: оступишься — и вовек оттуда не выберешься. Перепрыгивая с одной качающейся кочки на следующую, такую же ненадежную, Аарыма кое-как перебрался на другую сторону мари. Несколько раз чуть не упал в черную трясику кочкарника.

Волк, пройдя немного по следу вновь сбежавшей от него жертвы, был весьма удивлен тем, что та вскоре свернула с дороги на просеку, ведущую прямо к дому его двуногого соседа. «Что за бестолковый олень? — подумал Аарыма. — Ведь слева от просеки проходит прекрасная удобная ложбинка. Вместо того чтобы скрыться по ней, бедняга помчался прямо к дому двуногого!»

А еще волк размышлял о том, что если бы была жива его верная подруга, то они ни за что не упустили бы этого оленя. Уж она-то всегда безошибочно определяла, где сподручнее устроить засаду, чтобы никто не смог от них сбежать. Так и было всегда... «Ладно, охота продолжается, посмотрим, на чьей стороне будет сегодня удача», — подумал волк и направился к тому месту, где планировал перехватить оленя. А куда тот денется? Ведь рано или поздно все равно придется свернуть с просеки, не доходя до дома двуногого.

Просека проходила по южной стороне усадьбы, потом упиралась в озеро, из которого люди брали воду и где рыбачили, а за ним продолжалась. Волк должен был обойти озеро, чтобы перехватить жертву на заброшенном ётёхе* на другом берегу. Аарыма бежал уверенной рысцой, точно зная, где находится олень. Но что это? Серый от удивления чуть

* Ётёх — место, где ранее стоял дом, остатки заброшенной усадьбы, жилья. Поскольку предки народа саха раньше селились по принципу «один алаас — одна семья», ётёхи встречаются повсеместно.

не присел на все четыре лапы, когда увидел, что олень не свернул направо, а, наоборот, взял влево, в сторону человеческого жилья. Ну что ж, придется волку огибать озеро по правой стороне, чтобы избежать встречи с двуногими.

...Хозяин дома на пару с немолодым мужчиной, помогавшим ему зимой присматривать за лошадьми, перебирал рыболовную сеть. Они уже предвкушали, как наловят в ближайшем эбэ* вкуснейших свежих карасей. Ворота усадьбы были не закрыты. Табуны окончательно еще не перегнали на летние пастбища, вот и сейчас часть кобыл не отходила от жилья. Так обычно продолжается до начала весенней охоты, когда ближайšie озера и алаасы заполняют целые отряды с ружьями, а выстрелы гремят ночи напролет. Лошади не любят пальбу, и они тут же уходят на дальние пастбища. Вдруг громко и остервенело залаяла собака, которую на время ожереба кобыл на всякий случай привязали к цепи. Мужчины дружно повернули головы и, к своему изумлению, увидели, что прямо посредине двора, перебирая стройными ногами, на месте крутится не менее удивленный молодой самец олень. Помощник хозяина усадьбы тут же, прихрамывая, сбегал за ружьем. И только в этот момент олень заметил открытую изгородь и поскакал на свободу. Мужчина проворно вскинул ружье, прицелился, но хозяин опустил ружейный ствол.

— Не стреляй... Не видишь, бедняжка насмерть перепуган, бежит от чего-то или, скорее всего, от кого-то... Пусть живет, может, этот олень к нам на удачу забежал...

— И то верно. Иначе какой зверь в здравом уме к людям во двор придет? — согласился его невысокий товарищ.

Прихватив только что закипевший самовар, мужчины отправились на веранду пить чай. Хозяин дома сразу догадался, что забежавший к ним во двор олень — это неспроста, значит, где-то рядом его старый знакомый. «Ну ничего, есть для тебя у меня подарок, — подумал он. — Вот стемнеет, я тебе его и покажу. Повеселимся...»

Когда мужчины, выпив чаю, отправились к озеру ставить сеть, они внезапно услышали вой. Три коротких, но отчетливых волчьих сигнала донеслись с той стороны, куда ушел олень.

— Ох, неспроста воеет волчара, упустил добычу! Понимаю, как ему досадно... Хе-хе-хе... Как говорится, на каждого быстроногого находится еще более быстроногий! — потирая руки и раскуривая сигарету, заключил невысокий человек.

Хозяин дома промолчал. Он-то сразу понял, что это был не скулеж от досады, а победный клич — тойук**. «Удача сегодня была не на

* Эбэ — бабушка. Так в народе саха уважительно называют озера, реки, алаасы, леса и другие значимые для жизни людей места.

** Тойук — национальная песня-импровизация народа саха, исполняемая в особо торжественных случаях.

стороне оленя, — рассуждал мужчина, пытаясь понять, как действовал его серый противник. — Получается, что олень пересек поляну по правой стороне и вышел прямо к озеру, где его и поджидал волк. Если бы он взял влево, то ушел бы к речке, где полно оленьих следов и запахов, и там бы оторвался от серого. Точно! Прими олень влево, он бы спасся, поскольку волк, остерегаясь нас, не успел бы на перехват. Ведь ему пришлось бы обогнуть озеро по гораздо большему кругу. Умен волчара, умен... Или просто повезло... Но ничего... Хорошо, что ты рядом и гоняться за тобой не надо. Вот наешься до отвала, а вечером мы с тобой и повеселимся...»

Весеннее солнце слепило глаза, но воздух был по-прежнему холоден.

Из тех сетей, что напарники перебрали, они взяли самую короткую и поставили на узенькой закраине — небольшой полоске чистой воды между льдом и берегом. Больше сеть и ставить-то негде. Закраина действительно узкая, в ней, наверное, могли бы поместиться лишь несколько поставленных в ряд лодок, но мужчины так хотели свежих карасей, что решили попытаться счастья даже на такой воде. На самом деле это уступка хозяина усадьбы помощнику, который, как только появилась полоска воды на озере, не переставал повторять: «Может, сети поставим? А вдруг поймает?» «А чем черт не шутит», — согласился хозяин.

Мужчины собирались проверить сеть вечером, а пока у них было полно дел. Захватив топоры и гвозди, а также большой моток проволоки, они отправились проверять и чинить изгородь.

Весна в этом году выдалась ранняя. Наверное, уже скоро появятся особо любимые народом саха утки — кряква, шилохвость и чирок-клоктун. Тогда все окрестные озера и алаасы и даже самые дальние охотничьи избушки заполнят и стар и млад — все, для кого весенняя охота — это особая страсть, священное действие, даже если ты, оторвавшись от малой родины, всю жизнь прожил в городе. Они ждут его весь год, вспоминая долгими зимними вечерами былые перипетии, ибо какая охота без приключений?

Аарыма, как и предположил его двуногий сосед, подловил молодого самца оленя именно там, где и рассчитывал. Честно говоря, ему откровенно повезло: на счастье серого охотника, добыча сама выскочила прямо на него. Олень, как только ушел от людей, в несколько прыжков преодолел небольшую поляну. Вышел на заброшенный ётёх и только ступил на знакомую просеку, как перед ним словно из-под земли возник волк. Молодой самец от неожиданности и испуга прыгнул в сторону крохотного озерца и оказался в кочкарнике. Пока он спотыкался между кочками, волк настиг его и одним движением острых как бритва зубов рассек оленю пах. Оттуда сразу вывалились внутренности. Олень, наступая на собственные кишки, сделал по инерции еще несколько шагов, и в это время волк вцепился смертельной хваткой в его горло. Все было кончено. Первым делом хищник вдоволь напился теплой крови, а

потом, чуть посидев, трижды издал победный вой, который и услышали его двуногий сосед с напарником. Аарыма имел привычку издавать подобный клич, когда добыча была честной, а не мясом падали или сворованной живности двуногих. Успокоившись, волк впился зубами в нежную брыжейку. Пир начался.

Волк ел не спеша. Основательно и с перерывами. Только теперь он почувствовал, как утомился за последние дни. Во время очередного отдыха отошел немного в сторону и прилег, положив голову на лапы и наблюдая за тем, что происходит вокруг. В предвкушении угощения начали слетаться вездесущие крылатые санитары леса — вороны, почти мгновенно узнавшие об удачной охоте серого хищника. И только местный старый лис, также ожидавший своей очереди к лесному столу, следил за волком на почтительном расстоянии.

Вечером набежали облака, так что стемнело рано. Волк хоть и знал, что место лесного «застолья» уж слишком близко к усадьбе двуногого, не удержался и в несколько подходов набил себе полное брюхо, так что ноги не держали его. И теперь в сытой неге лежал, высунув язык и прислушиваясь к звукам. Вдруг шумы, доносившиеся со стороны дома двуногого соседа, начали усиливаться, приближаясь к нему. Но в такой темноте ему не стоит особо бояться, решил слегка удивленный ночной активностью двуногих волк и спокойно продолжил слушать, что будет дальше. Однако возникшая тревога никуда не делась, и, хотя сытость была так приятна и никуда не хотелось идти, серый привстал, чтобы потихонечку убраться отсюда подальше. Вдруг прямо над головой Аарымы раздался сумасшедший треск и грохот, как будто небо расколосось пополам, все кругом заискрилось сполохами ослепительно яркого света, и начался огненный дождь. Волк, ничего не успев понять, мгновенно вскочил и дико завертелся на месте. Только потом, чуть опомнившись, он устремился в глубь леса. Он бежал, а сзади продолжался адский грохот и огненное светопреставление. Время от времени цветные искры, казалось, сыпались прямо на него. Сердце, только что лениво бившееся после теплой сытной еды, теперь металось, как попавшийся в силки снегирь. Еще немного, и оно бы выскочило из волчьей пасти.

Аарыма выбежал на просеку и что было силы пустился прочь.

Незадолго до этих событий мужчины, которым Баай Барыылаах Байанай выделил-таки толику свежих карасей, собрались распробовать первый улов. В предвкушении свежей ухи мужчины много говорили, шутили. Хозяин усадьбы сегодняшним днем был доволен — они с помощником славно поработали, прошли с десятков километров изгороди, да и Байанай не обделил. После ужина хозяин принес пакет, полный разной пиротехники.

— У нас сегодня какой-то праздник? Хе-хе-хе... Сколько же тут салютов! И когда их будем запускать? — оживился пожилой мужчина.

— Сегодня. Как только стемнеет, пойдем и поздравим нашего серого друга, — ответил владелец дома.

Невысокий мужчина, хотя ничего толком и не понял, радостно закивал головой. Это были те самые фейерверки, которые обычно запускают в новогоднюю ночь и которые чуть не разорвали сегодня сердце Аарымы. Их хозяину усадьбы некогда подарил друг, а он нашел им вот такое неожиданное применение.

...Прошло несколько дней. Волк, перепугавшийся в памятную ночь светопреставления, уже успокоился, но возле двора бывшего соседа больше не появлялся. Он наведывался лишь в самый дальний от усадьбы двуногого алаас. Человек, конечно, был рад-радешенек, что прогнал матерого хищника простыми фейерверками, но они оба не знали, что на этом их противостояние еще не закончилось.

Встреча

Настали дни, когда весеннее солнышко светит напрапалую и человеку совсем не хочется заходить обратно в уютный, но все-таки слегка поднадоевший за долгую зиму дом. Уже давно растаял снег, осевший толстым слоем в лесу на ветвях деревьев, улетучился и снег, лежавший на южных и северных косогорах, сохранился он лишь небольшими островками на дальних таежных перевалах. Там хоть и журчат ручьи и талая вода залила все кругом, но грунт по-прежнему остается мерзлым. В это время — перед началом массовой весенней охоты на уток, когда лошади пугаются дружной ружейной пальбы, — коневоды стараются успеть обновить табуны, распределить кобыл к жожакам, оформить окончательные списки и проставить клейма.

Выяснилось, что у двуногого соседа Аарымы не хватает одного косяка во главе с молодым жеребцом. На поиски табуна, место тебенёвки которого находилось в верховьях Большой речки, отправились на тракторе.

Природа проснулась от зимней спячки, и одно удовольствие было наблюдать за ее чудесным преображением. На небольших озерцах гуляли волны, заманивая первых перелетных птиц, — охотники обожают такие водоемы. В середине больших и глубоких озер лед еще и не думал таять, но краины были уже достаточно широки, чтобы привлечь к себе уток. По пути постоянно встречались чибисы, появившиеся в этих краях не так давно, и вездесущие бекасы испуганно взлетали буквально из-под ног, издавая ни на что не похожий вибрирующий звук.

...Мужчины к последнему искомому алаасу добрались довольно быстро, аккуратно в полдень. Солнце стояло в зените у них прямо за спиной.

В это же самое время, пройдя только ему ведомыми тропами, в алаас заглянул Аарыма. Никакого определенного плана у волка не было, но какая-то неведомая сила именно сегодня заставила его ступить на

заброшенное стойбище с одиноко растущей старой сосной. Раньше здесь было два отдельных озера, но со временем они слились в одно, растянувшееся вдоль всего восточного края алааса. Озеро было продолговатое и полноводное. Южная его оконечность упиралась в оторочку густого ельника, а с западной и северной стороны оно было окружено редколесьем из деревьев разных пород. На севере и юге обширного алааса возвышались небольшие холмы с остатками старых ётёхов. Лед в озере уже растаял, сохранился лишь в центре двух бывших стариц, где самые глубокие места. Прохладный весенний ветерок нежно пологал гладь озера, и солнечные лучи плясали на воде мириадами ярких бликов.

По заброшенному за ненадобностью оросительному каналу Аарыма пробрался к одному из ётёхов. Будто проверяя свой нюх, он с удовольствием вдыхал запах первой зеленой травки нового года. На холме гулял легкий ветерок, и волк улегся в тени старой ивы. Вдали послышался шум трактора. Судя по звуку, железная повозка — так волк воспринимал любую технику — двигалась с юго-востока прямо в сторону Матерого по лесной возвышенности, разделяющей несколько алаасов, озер и речек. Техника приблизилась, всюду рассыпалось дробное эхо, и стало непонятно, в каком месте трактор заедет в алаас. Доселе переменчивый ветерок превратился в довольно сильный южный ветер, затихающий лишь временами. Аарыма, пытаясь разглядеть противоположный берег, то вставал, то садился, но ему мешали танцующие на озере солнечные блики.

Дорога, по которой в этот самый дальний и большой алаас обычно приезжали табунщики и редкие охотники, уперлась в воду — зимой действительно было много снега. Делать нечего, мужчины остановили трактор у лесной опушки и слезли с него. Двухногий сосед Аарымы взял ружье и, достав бинокль, пристроился на небольшом пригорке у развесистой ивы. Он внимательно рассматривал берега озера, холмы, рошницы скромных березок, напоминающие сгрудившихся в круг девушек. Открывшаяся ему после долгой езды по тайге панорама — простор, залитый ярким весенним солнцем от края и до края, — будоражила душу, заставляла учащенно биться сердце. Было в этой картине что-то родное и бесконечно дорогое. Мужчина вздохнул. Конечно, бинокль он захватил не для того, чтобы любоваться пейзажами, а в надежде поскорее обнаружить запропастившийся табун. Вдруг на одном из холмов у большой ивы он заметил какое-то движение. Ему показалось, что это была чья-то голова с торчащими ушами. Кто это? Пока поправлял бинокль, зверь встал. Человек увидел, что это тот самый матерый волк, который нынешней зимой обложил его табуны и его усадьбу. Сейчас огромный хищник смотрел прямо в его сторону.

Аарыма, изучающий лес на другом конце алааса, вдруг заметил, что чуть выше привычных солнечных бликов на озере что-то сверкнуло. Он насторожился и внимательно взгляделся. О-о, это был его двухногий

сосед, смотревший с того берега прямо на него! И волк сам не понял, почему по спине пробежал неприятный холодок.

...Прилетевшие с других озер чайки вперемешку с местной стаей таких же шумных беспокойных товарок устроили базарный гомон. Это озеро богато рыбой, хватит всем, но птицам лишь бы пошуметь. Вдруг мирную картину разорвал выстрел, эхо которого, казалось, мигом облетело алаас, дошло до самой его глубины и пропало где-то в лесу. Наступила непривычная тишина. Замолкли даже только что кричавшие на озере чайки. Лишь слышно было, как по-прежнему у опушки леса тарахтит трактор и где-то в поднебесье заливается какая-то птаха...

Глава вторая

Дитя природы

Бывает в пору притихших в золотом убранстве осенних дней время, когда миновавшее жаркое лето, сдиравшее кожу одним лишь знойным дыханием, напоминает о себе вновь воссиявшим ярким солнцем. Лето дарит на прощание ревниво оберегаемые от сестрицы-осени щедрые на тепло деньки, когда благодатное светило уже не обжигает, а только ласкает и обнимает тебя прощальной нежностью. В такие заполненные негой дни кажется, что скоро вновь наступят белые ночи, когда совы, перепутавшие время суток, перестают летать. Бабье лето — а это оно и есть — расчистило лазоревый купол неба до самой его невероятной выси и пустило призрачное дрожащее марево резвиться по алаасам, по пригоркам, по лесам.

Над голубыми чашами озер, словно разорванные после дождя клочья темных облаков, висят стаи не так давно ставших на крыло молодых осенних уток. У них уже накачанный жиром пух, но маховые перья держат еще не так уверенно. Когда они дружно взлетают, то возникает ощущение, что кто-то очень большой и добрый начал взбивать озеро мутовкой, готовя гигантский кёрчях*. Это ни с чем не сравнимое, восхитительное переживание: в утренней легкой дымке, когда с озера тянет свежестью и по-особенному пахнет тиной, ты сначала слышишь кряканье невидимых уток, а потом видишь, как, будоража душу и сердце, по чьей-то невидимой команде в воздух разом поднимаются сотни птиц, сверкая в солнечных лучах новыми чистенькими перьями.

Легкий ветерок, рассказывая свою бесконечную сказку, гулял по золотому царству алааса. Трогательно трепеща и беззвучно кружась, на землю падал желтый лист. Нет, он был не одинок. Вскоре рядом с

* Кёрчях — взбитые мутовкой сливки, якутское национальное лакомство.

ним безмолвно ложился другой такой же лист. Глядя на тихий листопад, осторожно ступавший по земле Аарыма вспоминал детство, которое, как казалось ему, было бесконечно счастливым. Воспоминания представляли словно живые, проносились перед глазами яркими волшебными картинками.

Этот алаас нравился ему с детства. Двуногие в здешних местах появлялись редко, так что маленьким волчатам можно было резвиться от души. Осенью, бывало, тут никого из людей не встретишь — сенокосчики уже вернулись в села, а для любителей пострелять уток еще рановато. Серьезные охотники появлялись совсем поздно. Мать любила приводить сюда выводок именно в это время года. Волчата с удовольствием гоняли зайцев, добывали припозднившихся утят, а также давали жару местным лисам и лисятам, которых им приносила волчица. Маленькие хищники смешно кусали их, душили так, что стоял истошный лисий вопль, но мать никогда не позволяла им добывать жертву. «В лесу должно быть всякое зверье, — внушала она своим деткам. — Нельзя истреблять все подчистую, мы живы лишь потому, что есть они. Подумайте, что будет, если вы загоните и убьете всех оленей. Чем будете питаться на следующий год? Надо добывать только то, что нужно для еды, — это закон природы, и его надо всегда соблюдать. А если вы нарушите его, то в лесу пропадет любая живность — и жучки, и птички, и зайцы, и олени, даже деревья здоровые перестанут расти. Так что никогда не берите сверх меры того, что растет, бегают и летает в вашем лесу. Берите только то, что вам нужно сегодня».

Урок матери наш волчонок впитал вместе с ее молоком.

Аарыма, вспомнивший детство, с удовольствием повалялся на нежно-зеленой отаве на поляне, окаймленной лесом в золотом осеннем убранстве. Чуть поодаль, на восточной стороне алааса, волк заметил местного лиса, деловито снующего между кочек. Поддавшись игривому настроению, хотел было позабавиться с ним, заставив убежать с громким и тонким тявканьем, но потом сдержал свой порыв. Только сейчас Аарыма рассмотрел, что лис уже далеко не молод, шерсть его приобрела местами серовато-бурый цвет, ну точь-в-точь сиводушка. «Постарел братец», — промелькнуло в голове волка. А ведь кажется, что лишь совсем недавно солнечные лучи переливались золотом на ярко-рыжей шубке. Да и сам волк не становился моложе, с годами и его шерсть приобрела почти пепельный окрас. Одно лишь утешение, что он уже при рождении был светлее остальных братьев и сестер и в этом был похож на мать. Та была такого же белесого окраса, с едва заметной темной полосой вдоль хребта. И конечно, седых подпалин ему прибавила и неизбывная тоска по верной подруге...

Раздумья волка прервал шум трактора и лай собаки вдали. Он внимательно прислушался. «Домой возвращаются, — догадался Аарыма. — Скоро остановят дышащую смрадом железную повозку и пойдут пешком. А этот белый пес, облаивающий все подряд, совсем ничего не

замечает. Даже того, что буквально перед его носом. И самое забавное, что, почуяв запах Матерого, тут же пускается по следам, будто может догнать и схватить. Интересно, а его мать, которая помесь собаки и волка, с ними? Может быть... Все-таки кровь дает о себе знать, и умная собака по пустякам не лает».

Пропадавший все лето в верховьях благодатной Большой речки, Аарыма лишь сегодня посетил на короткое время алаас детства и был счастлив, вволю надышавшись воздухом родной стороны...

Но волку надо было уходить — охота и рыбалка двуногих в этих местах не скоро закончатся, а затем появятся охотники и на крупного зверя. Правда, те будут больше по речкам и распадкам промышлять, но все равно до снега, который уже не растает и не сойдет с алаасов до самой весны, Матерому тут делать нечего. Он решил схорониться в густом мыске лесистой возвышенности у истоков небольшой речушки. Оттуда и будет совершать вылазки. Волк знал, что двуногие страсть как не любят пробираться по чащобам и буреломам и всегда обходят такие места стороной. Такие мысли крутились в голове Аарымы, пока не пришла другая — он решил заглянуть в алаас с никогда не пересыхающим летом глубоким озером, где в минувшем году стая чужаков задрала кобылу его двуногого соседа. Серый ступил в лес и тут же растворился среди деревьев, будто и не было его. И лишь оставленный им запах подскажет собакам, что тут недавно проходил матерый хищник.

Встреча с медведицей

Подойдя к нужному ему пастбищу, волк решил обогнуть его с восточной стороны. Но не успел он пробежать и пару сотен метров по ближайшему к алаасу перелеску, как ему в нос ударил резкий запах тухлятины. Тяжелый запах исходил от густых зарослей елей попеременно с лиственницами. Аарыма осторожно обежал чащобу и зашел с другой стороны. Как он и предполагал, это были остатки добычи косолапого, точнее, косолапой хозяйки тайги, которая, по своему обыкновению, прикопала в землю то, что не доела. Останки, как установил волк, принадлежали позднему жеребенку. Несмотря на то, что медведица завалила объедки дерном и мхом, уже успевшее протухнуть на жаре мясо издавало специфический аромат.

Аарыма хорошо знал эту медведицу, которая водит за собою медвежонка. Еще в совсем юном возрасте она поселилась в этих краях. Первое лето провела рядом с алаасом, где жили двуногие. Далеко не уходила. Не раз волк видел забавную картину: уже достаточно взрослая медведица, забравшись на копну сена, вдыхает в полудреме запах еды, которую готовят двуногие. Забавная история случилась с ней и когда пришло время отметить территорию. Медведица не содрала кору со ствола заметного дерева, как другие, а оставила кучу помета опять же на стоге сена. С тех пор она и являлась косолапой хозяйкой этих мест.

Чем старше она становилась, тем больше портился ее нрав. Хорошо изучив повадки двуногих, хитрая медведица не вступала с ними в открытый конфликт, в усадьбу не лезла и всячески избегала встречи. Однажды на пригорке недалеко от ётёха, где сегодня Аарыма, вспоминая детство, нежился на зеленой отаве, огромный сامةц оставил метку на дереве. Медведица также отметилась. На следующий год у нее появился медвежонок. Став матерью, она завела дурную привычку убивать по весне только что родившихся жеребят, а осенью показывала своему отпрыску, как надо заваливать кобыл. Двуногие, конечно, все эти нападения на домашнюю живность приписывали волку и мечтали добыть его.

«Тот жеребенок, что я задрал нынче весной, не в счет — это было в отместку за кровь убитой подруги», — мысленно проговорил волк. Эх, откуда было серому знать, что настоящие убийцы, как и чужая стая волков, в этих краях были лишь временщиками и больше их здесь он вряд ли увидит.

Выйдя из чащобы, где лежали останки жеребенка, волк собрался было идти в свою сторону, когда его уши уловили непривычный для лесной жизни шум. Он удивленно остановился. Аарыма тоньше, чем другие звери, воспринимал звуки родного леса. Они складывались для него в гармоничную музыку, в которой ему была знакома любая нота. В том числе и та, которая выбивается из общего ряда. Вот и сейчас услышанный им шум был сторонним и нехарактерным для тихого осеннего дня. Вскоре волк определил, что не сулящие ничего хорошего звуки доносятся с заброшенных пашен, расположенных в северной стороне алааса. Неслышно ступая по мягкому мху, он пересек еще не сбросивший хвою небольшой лиственничный лес, прошел мимо вечно влажных полян с родниковой водой и попал на самую зрелищную часть лесного представления. Оказалось, что это медведица с таким шумом гоняет взад-перед табун лошадей. Волк еще больше удивился: «Что это с ней? Могла бы давно схватить любую кобылу... Наверное, медвежонка учит...»

Волк решил подойти еще ближе. Прильнув к стволам деревьев и буквально слившись с ними, беззвучно ступая по усеянной желтыми листьями земле, он двинулся дальше. На его счастье, ельник закончился и потому не было вездесущих дроздов, которые своей трескотней могли бы выдать его присутствие.

Подкравшись со стороны леса к краю заброшенной пашни, Аарыма наконец-то разглядел в деталях, что происходит. Оказывается, он правильно предположил — весь шум из-за того, что бурая хозяйка тайги учит медвежонка охотиться. Малыша волк заметил сразу. Медвежонок из последнего помета косолапой, более темного, чем мать, окраса, затаился у основания ствола растущей на опушке могучей раскидистой лиственницы. Но ребенок есть ребенок, и он от любопытства часто высовывался и вставал чуть ли не во весь рост. Затем прятался вновь. Не удивительно, что дети Джёсёгея заметили его давно. И как только косолапая пыталась направить косяк кобыл к малышу, сидящему в

засаде, табун стремительно уходил вдоль озера в другую сторону. На взгляд Аарымы, темно-рыжий молодой вожак ловко управлялся со своим стадом. Это был типичный жеребец якутской породы — невысокого роста, но массивный и крепкий, с короткой толстой шеей и большой головой. Его запотевшая и отдающая медью шерсть блестела в лучах уже начавшего склоняться к верхушкам деревьев солнца, а густая, соломенного цвета грива разметалась во все стороны. Ему во всем помогала безжавшая впереди косяка саврасая кобыла. Она года на два младше вожака, но росла вместе с ним и потому понимала каждое его намерение. Вслед за саврасой поворачивали в нужную сторону и молодые кобылы, и табун дружно уходил от загонщицы. И в этот раз косяк, поднимая копытами серебристые фонтаны на озерном мелководье, стремительно исчез за опушкой леса на другой стороне алааса. Бурая хозяйка тайги взревела от досады и так мощно хлопнула лапами, что дрожь земли ощутил и Аарыма. Волк от неожиданности чуть дернулся, но разозлившаяся на не вовремя высунувшегося медвежонка мать не заметила его. Косолапая расписывалась не на шутку и решила во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Выглядевшая в лучах склонившегося еще ниже солнца бурым мохнатым мячом, она в несколько огромных прыжков закатилась в лес.

Серый с косолапым хоть и живут в одном лесу, но всегда сторонятся друг друга, по одной тропке не ходят, враждуют. Так было испокон веков. Аарыма, который в этом вопросе не был исключением, почувствовал какое-то особое озлобление на своего кровного лесного врага. И дело вовсе не в том, что медведица решила задрать сегодня кобылу. У волка вскипела кровь оттого, что косолапая преступила законы тайги и, вместо того чтобы искать добычу в лесу, жирует на домашнем скоте двуногих и к этому же приучает своего ребенка. Она не думала о завтрашнем дне, о том, что настраивает людей против лесных зверей. Не этому его учили мать-волчица и верная подруга. Нельзя зверю ссориться с двуногими. Аарыма чтит законы тайги и лишь недавно увидел, как стая пришлых волков питается мясом кобыл. Их, конечно, не оправдывало то, что они убивали домашний скот прежде чем двинуться в дальний изнурительный переход или перед забирающим много сил гоном. Когда Аарыма следил за чужой стаей, он и сам распробовал это мясо. Но то были чужие остатки, а не его жертвы. Впрочем, какими бы ни были его мотивы, волк вознамерился вмешаться в происходящее и подсобить двуногому соседу, не поднявшему на него ружье.

Земля загудела от топота множества копыт. Показался скачущий прямо в сторону волка косяк во главе с саврасой кобылой. Медведица тоже неплохо знала эти места и, помчавшись через лесистую возвышенность наперерез табуну, догнала его и пустила обратно. В приближающихся сумерках мокрая от пота шерсть кобыл потемнела, и казалось, что дети Джёсёгея надвигаются сплошной черной лавой. Темно-рыжий

вожак с разметавшейся густой светлой гривой скакал во весь опор отдельно, вдоль берега. «Значит, и сама косолапая бежит вдоль озера, — подумал волк. — Верное решение приняла, теперь им никуда от нее не деться».

Солнце, собравшееся было уйти за горизонт, зацепилось за ветви деревьев, чтобы досмотреть до конца таежный переполах.

Длинный узкий холм, по которому несется-стелется табун, проходит через старый ётёх и далее тянется вдоль всей северной оконечности алааса. Слева от холма расплескалось озеро и разбросаны небольшие островки леса, справа — заболоченное русло речушки с глубокими топкими местами. Как только косяк проскачет холм до конца, ему ничего не останется, как пробежать мимо могучей раскидистой лиственницы. И вот тогда бурая хозяйка леса зацепит одну из лошадей и научит медвежонка добывать жертву.

Аарыма, оскалив зубы и демонстративно громко зарывчав, помчался к затаившемуся под могучей лиственницей малышу. Медведица-мать, конечно, не могла не увидеть и не услышать этого. Она дико взревела и пулей вылетела из глубоко вклинившегося в открытый алаас густого леса. Теперь она была похожа на большой кожаный мешок, который кто-то изо всей силы бросает на ковер из желтых листьев. Во время небольшого переполаха, возникшего в косяке, сивая кобыла-двухлетка, сама того не понимая, выскочила вперед и оказалась на пути медведицы. Зверь несся на защиту своего ребенка и отмахнулся от кобылы, как от надоедливой мухи, отчего та отлетела в сторону. «Пора», — подумал следивший за бурой хозяйкой леса волк и побежал обратно. Медведица резко осадилась, развернулась в мгновение ока и пустилась в погоню за волком. Надо сказать, что косолапые лишь кажутся неуклюжими — их силе, ловкости и быстроте могут позавидовать многие животные. Волку показалось, что страшное дыхание медведицы раздается прямо над его головой и она вот-вот прыгнет на него. От его недавней осторожной поступи не осталось и следа, серый бежал что есть мочи. Хорошо, что лес был совсем рядом, и волк юркнул в спасительную чащу, в густые заросли ивняка. Бурая хозяйка леса, ломавшая в ярости ветви и двигавшаяся напролом, постепенно начала отставать. Аарыма перешел на спокойную рысцу. Сейчас, как он полагал, медведица-мать осознает, что в густой чащобе ей волка не догнать и она должна вернуться к малышу. Ведь ей неизвестно, сколько всего волков тут собралось.

Когда, чуть успокоившись и отдышавшись, волк припал к воде, со стороны опушки, за которой на старом ётёхе укрывался табун, появились кобылы. Они безостановочно фыркали, мотали головами и, похоже, волка совсем не замечали. Подойдя к большой луже, которая образовалась на ведущей к жилью двуногого дороге, кобылы замедлили ход. Матерому это не понравилось, ему хотелось, чтобы лошади поскорее убралась отсюда. Он с рычанием выскочил прямо на них. Табун,

разбрызгивая во все стороны теплую воду, умчался к алаасу владельца. Была среди них и отмеченная бурой хозяйкой леса кобыла. Отчетливый след медвежьей лапы на ее бедре невозможно было перепутать ни с чем. Ободранная кожа болталась, и всю сочилась кровь.

С чувством исполненного долга Аарыма покинул алаас по руслу старого пересохшего канала. Пробегая мимо ётёха, где совсем недавно проходили кобылы, волк почувствовал, как защекотало в ноздрях от висящего в воздухе терпкого запаха лошадиной мочи и пота. Именно здесь весной в последний раз волк встретился со своим двуногим соседом, с которым долгие годы жил в ладу. Наверное, в душе у того тоже что-то екнуло, и поэтому он не стал стрелять в Аарыму, а просто пальнул в воздух. Он как будто предупредил его. Волк этот сигнал уловил и теперь обходил усадьбу и табуны соседа стороной.

Матерый размышлял о том, как незаметно пробраться в свое укромное логово в густом мыске лесистой возвышенности, какой сделать крюк, чтобы запутать следы. Перед тем как исчезнуть в лесу, остановился у опушки. Прислушался. Принюхался. Вроде все спокойно. Лишь одно удивило его: вместо привычного алого заката солнце садилось за горизонт, сверкая как днем.

Еще мгновение, и волк шагнул под полог родного леса. Дитя природы, волк каждый раз демонстрировал свою способность растворяться, исчезать в ней, как будто его и не было. Он соблюдал законы тайги, и тайга защищала его...

Тревожная зимовка

Наступила зима. Землю укутал толстый слой снега, который теперь будет только нарастать. Утомительные ночи становились все длиннее, дни — короче, солнце поблекло, и в окутавшем землю тумане едва виднелся его белый лик. Все вокруг замерло — и земля, и небо. Все живое с бегущей по жилам горячей кровью погрузилось в долгий дремотный сон в надежде благополучно пережить истощающие силы, изнурительные дни. Зима уже показала свой суровый нрав, заставив трещать от холода деревья в опустевшей тайге. Ее серебряный хлыст, несущий жестокие морозы, просвистел над лесами и алаасами, заковал реки и озера в ледяной панцирь — на их замерзшей глади, если повезет, можно услышать нежный хрустальный звон снежинок. Взвихрились свирепые бураны, взметая снежную пыль до самого неба, а выпавшие тяжелые хлопья склонили ветви деревьев до самой земли. В морозной тишине, укрывшись белой шубой, громадная кряжистая лиственница прервала до весны свой вечный тойук. Поникла и милая березовая роща, даже во сне тоскующая о лете, о неумолкающем зеленом шуме...

И без того густая светлая шерсть Аарымы к зиме стала еще гуще и длиннее. Осенью на южном стыке своей территории с владениями

другой стаи он обнаружил тушу старой кобылы, неудачно ступившей на голый лёд и, не в силах встать, там же околевшей. Волк подъял ее подчистую и начало зимы встретил сытым, с хорошим запасом жира и потому не обращающим внимания на первые крепкие морозы. До больших холодов накопивший силы хищник ещё удачно поохотился. Хотя его шкура поседела и почти сравнялась белизной со снежной крупой, волк знал, что сила и выносливость скоро ему понадобятся. Время от времени он обходил владения — приноживался, приглядывался, выяснял, что случилось, кто пришел-ушел. После приключения с бурой хозяйкой леса он частенько заглядывал на участки двуногого соседа, чтобы проверить, всё ли там в порядке. «Нынче чужаки что-то припозднились, — размышлял серый, направляясь в сторону усадьбы двуногого. — А то, помнится, в прошлом году здесь появилась большая стая, натворившая немало бед. Да, припозднились чужаки... Значит, в этом году гон будет в другом месте...»

Лошади двуногого подошли на кормежку. Хозяева уже давно переехали на зимовье, и из печной трубы вился легкий дым. Ещё не приблизившись к усадьбе, волк уловил аромат вареного мяса, приятно щекотавший ноздри. «Какой только едой не питаются двуногие!» — всегда удивлялся он. Когда собаки не было, волк иногда почти вплотную подходил к дому, и он начал уже немного разбираться в том, что и как готовят люди. Он ещё в нежном возрасте задавал матери вопрос, почему двуногие едят только вареное мясо и почему им не нравится свежая и сочная, с кровью, плоть. Волчица отвечала мудро и просто: мир двуногих устроен так. Но главное, мать объяснила ему в детстве, как вести себя с огнем, прирученным людьми для домашнего очага, однако в лесу становившимся страшным злом, уничтожающим все на своем пути.

Также волк учуял на расстоянии, что хозяйская собака на месте. Это была небольшая, размером с прошлогоднего волчонка, сука. Лающего без толку белого пса не было. Все тихо и спокойно. Можно идти дальше. И Аарыма направился к останкам недавней добычи. Внезапно он наткнулся на следы волков, ведущие на юг от усадьбы двуногого. Судя по тому, как хищники пересекли территорию Аарымы — цепочкой, след в след, и даже не отвлеклись на запах кобыл, — у них была какая-то другая важная цель. Волк в раздумье побежал дальше. Недалеко от большой дороги хищник вышел на свой же след, оставленный им, когда он погнался несколько дней назад за пятью оленями. Других волчьих следов нет. Значит, стая пересекла его территорию и целенаправленно ушла куда-то на юг. Что бы это значило? В тот раз из пяттерых оленей ему удалось отсечь одну оленуху и загнать ее в чащобу. Плотно пообедав, оставшуюся часть туши Матерый спрятал в укромном месте и теперь отправился туда. Кроме того, волк был уверен, что прочие олени не ушли далеко, а пасутся в богатом ягелем и ягодами распадке. Там летом вдоль длинного лесного увала протекает небольшая речка.

Вскоре волк набрел на след трех лосей. Они тоже вели на юг. «Так вот, оказывается, зачем пришли чужаки — они преследовали сохатых», — догадался Аарыма. Было видно, что волки двигались осторожно, с подветренной стороны и на приличном отдалении от лосей, чтобы добыча не почувствовала их запаха. Впрочем, это не составляло особого труда — треск ломаемых тремя лесными великанами промерзших ветвей был слышен издалека. Чувствовалось, что хищники преследовали добычу давно — впереди идущие волки, чтобы не изматываться, время от времени менялись местами с шедшими позади. След такой пересменки Аарыма заметил на краю большого поля с глубокой снежной целиной. Волки всегда точно рассчитывают, когда наступает верный момент для нападения, и потому не торопились с заключительной атакой — всему свое время. Это, видимо, были хищники, привыкшие охотиться в пойме речушек. Подойдя к густому ивняку, растущему вдоль водоемов, стая отправляла на разведку одного волка и только потом решала, куда двигаться дальше. Следы говорили о том, что лоси иногда останавливались, чтобы полакомиться ивовым лубом, значит, о погоне они не догадывались и чувствовали себя спокойно.

Аарыма вспомнил об утраченной подруге, и мучительные мысли вновь начали терзать его душу. «Эх, если бы Волчица была рядом со мной, то мы бы ни за что не прошли мимо лосиных следов, а устроили бы на сохатых засаду», — с тоской подумал волк. А стая чужаков поохотилась бы вместе с ними или вовсе повернула обратно в свои края. То ли полнолуние подействовало, то ли воспоминания всколыхнули душу, но волк сел и запрокинул лобастую голову, чтобы излить свою печаль в песне. Однако в последний момент одернул себя — нельзя преступать законы тайги, нельзя мешать тому, кто охотится сейчас. Он помнил и чтит эти заповеди таежной жизни. Его серых сородичей тоже кормят ноги, они честно охотятся за своей добычей. «Пусть Байанай улыбнется им...» — подумал волк и направился туда, куда и шел изначально. Он сначала утолит голод, а потом, как и планировал, отправится на поиски тех самых четырех оставшихся оленей. «Хорошо бы на этой стороне Большой речки настичь их, погонять по глубокому снегу, чтобы быстрее выбились из сил...» — мечтал волк.

Из-за того, что остатки туши, да и сами олени находились по ту сторону дороги, по которой ездят железные повозки, волк был вынужден неоднократно переходить трассу. Уже привыкший к этому, он никогда не пересекал ее где ему вздумается, а пользовался следами лошадей. Звук железных повозок слышен издалека, и потому волк был уверен, что каждый раз вовремя прятался и его тут никто не видел.

Подходя к предполагаемому месту стоянки четырех оленей, волк принял чуть правее, чтобы ветер дул в нужном ему направлении, и сразу же наткнулся на след других серых хищников. Их было четверо. Они хоть и прошли еще вчера, но в неподвижном морозном воздухе запах чужаков отчетливо чувствовался до сих пор. Аарыма невольно ощерился,

узнав их, — это были волки из стаи, наделавшей здесь в прошлом году много бед. Он тут же решил проследить за ними. Что до оленей — если они находятся в том самом распадке с хорошим ягельником, то будут пастись еще долго. Если они не двинутся дальше к северу, то их там никто не найдет. А сейчас для Аарымы наступила решающая пора, которой он ждал и к которой исподволь готовился. Пробил час стремительной погони и такого же быстрого отхода; момент, когда надо догонять и нападать, драться и защищаться; время, когда надо забыть о еде, отдыхе и сне. Он будет следовать за чужаками по пятам и сделает все, чтобы они не остались в этих краях.

...Аарыма нагнал волков недалеко от лесной возвышенности, где в прошлом году их многочисленную стаю обложили двуногие и добыли одного хищника. В этот раз они проследовали мимо. В пылу погони Матерый не заметил, что волки разделились на две пары, и угодил в западню. Поняв, хоть и с опозданием, свою оплошность, он резко прыгнул вправо, стремясь уйти через большую дорогу. Вместе с ним прыгнул и один из чужаков, поджидавших его в засаде. Местный волк увернулся от него чуть ли не в воздухе. Аарыма схватил нападавшего за первое, что оказалось рядом с его клыками, и мотнул лобастой головой по направлению прыжка. Не ожидавший этого волк перекувыркнулся в воздухе и пролетел по инерции дальше. Второго волка, так же стремительно бросившегося на него, Аарыма встретил уже на ногах. Легко уклонившись в сторону, хотел вцепиться чужаку в горло, но тот оказался проворным и сильным противником. Хищник вовремя успел отвернуть уязвимое горло и подставил область ключицы с густым мехом и подшерстком. Пока Аарыма сплевывал вырванный клочок густой шерсти, напавший первым молодой волк встал, но побоялся наброситься сразу. Его нерешительность позволила Аарыме избежать жестокой схватки, которую могли бы устроить два смелых волка. Но этот, первый, оказался трусоватым напарником. В этот момент послышалось разгоряченное дыхание другой пары волков, а это уже серьезная сила. Одновременно против четверых чужаков местный волк выстоять не мог. Оскалив зубы, он бросился на показавшего нерешительность волка, и тот отпрыгнул в сторону. Аарыма не стал с ним возиться, а сразу пустился бежать. И как раз вовремя — подскочивший сильный чужак из первой пары едва не вцепился зубами в его подколенный сустав, что сразу бы решило исход схватки.

Углубившись в густой лес, Аарыма повернул вправо. Преследователи отстали. Пробежав немного в сторону логова, волк взял влево и, путая след, пошел делать круг. Эта земля, где Аарыма встретил пришлую стаю, как и примыкающая к ней обширная территория к юго-западу и северо-западу, издавна принадлежала старому волку, ровеснику его матери. Некогда грозный хищник, видимо, совсем постарел, раз перестал следить за своей землей — чужаки в эти края проникают через его леса и поля и чувствуют себя здесь весьма вольготно. Аарыма, уважа-

ущий законы тайги и территорию других волков, раньше сюда вообще не заглядывал.

...Начало светать. Темное пространство над головой постепенно вылиняло, а нежно-алая узкая полоска неба над верхушками деревьев стала неумолимо расширяться. Аарыма лежал в своей привычной позе — положив голову на лапы — и сквозь дрему думал о ночной встрече, которая чуть не закончилась его гибелью. Чужаки, конечно, заранее предполагали, что встретят местного волка, и, наверное, готовились к этому. Но Матерого удивило, что уж слишком быстро пришлые волки прознали, что он идет за ними по пятам, и успели устроить засаду. Если бы один волк в их стае не дрогнул, а сам Аарыма не успел убежать, то его бы загнали в чистое поле и там уж вчетвером расправились с ним. Жестоко и хладнокровно... «Теперь я буду охотиться за вами», — начал Матерый строить планы по изгнанию чужаков. Сперва он займется теми, кто в одиночку отойдет в сторонку. Потом будет играть у пришлых волков на нервах, заставит гоняться за собой и выведет прямо на двуногих.

Суровая зима с туманами и вьюгами начала отпускать свою ледяную хватку: трескучие морозы отступили, дни заметно удлинились. С наступлением теплых деньков стало больше чадящих дымом железных коней, стремительно рассекающих снежные просторы. Их извилистые следы расчертили вдоль и поперек все ближайшие алаасы и перелески.

Недалеко от опушки леса, где чужаки столкнулись с местным волком, они завалили уже вторую взрослую кобылу. Аарыма следовал за ними по пятам. У него не было времени на охоту, и потому до прихода людей он перехватывал остатки пиршества волчьей стаи. Уж сколько раз он пытался навести на них двуногих, но охотники никак не могли обложить хищников. Аарыма одним своим видом выводил из себя чужаков, и те сразу бросались вдогонку за ним, готовые растерзать его. И тогда он специально пробегал мимо табунов, мимо знакомой усадьбы, мимо охотничьих избушек, но пока все без толку. Лишь однажды, когда четверо волков переваривали мясо очередной убитой ими кобылы, местному волку наконец-то удалось навести охотников на их след. Окладчики сразу обнесли специальной лентой густо заросшую деревьями возвышенность, где затаились хищники. Аарыма привычно перепрыгнул ленту и схоронился на другой стороне большой дороги в ожидании, чем все закончится. Назавтра подъехало еще несколько железных коней с охотниками, но и в этот раз двуногие остались ни с чем. Оказалось, что, как только загонщики двинулись по направлению к лесу, волки, наученные прошлым опытом, перепрыгнули, как и Аарыма, ленту. Потом они перешли большую дорогу и сразу свернули к знакомой тропе, по которой явились сюда. Чужаки чувствовали, что местный волк где-то рядом, но не стали тратить время на его поиски и проследовали своим путем.

«Настало время гона, и они больше не появятся в этих краях», — думал Аарыма, направляясь в сторону своего логова. Волк знал, что нынче гон пройдет на той стороне большой речки, и чужаки наверняка ушли туда. Скоро к ним присоединятся и волки с сопредельных территорий. В первую очередь — опытные волки-охотники, которые бывают в каждой стае и на которых и держится волчья семья.

Во время очередного обхода территории Аарыма обнаружил следы волков-охотников, тех, которые гнались за лосями. Волки возвращались обратно, но их было всего четверо. Что у них случилось, почему их стало так мало? Ответов на эти вопросы у него пока не было, и он отправился к тем самым оленям, охота на которых постоянно откладывалась.

Олени, оказывается, действительно долго паслись в распадке с богатым ягельником, и к ним, судя по следам, подъезжал двуногий на железном коне. Волк узнал его — это был человек, живущий в местности, где ночи напролет горит огонь. То ли волк встревожил оленей, то ли еще раньше двуногий вспугнул, но их уже не было. Они ушли дальше. Аарыма проследовал за ними. Уже бывшие настороже животные даже близко не подпустили его к себе, а сразу двинулись в сторону речки — пересекли большую дорогу и ушли по южной оконечности пастбища, где зимовали табуны двуногого с железным конем. Волк пустился вдогонку за ними. Олени шли, пока не наткнулись на следы волков-охотников, отправившихся на ту сторону большой речки на гон. Они резко повернули налево, но недалеко набрали на следы железных коней и вновь свернули, на этот раз вправо. Миновали кочкарник и остановились у косогора с редким сосняком и хорошим обзором. Волк, лишь сутки назад находившийся на волосок от смерти, решил передохнуть сам и дать оленям возможность успокоиться, чтобы усыпить их бдительность и прийти к ним позже. Заодно он проверил, куда ведут следы железных коней. А привели они его к домам, где в окнах свет горит и по ночам. Лошади спокойно кормились в загоне. Слишком близко подходить Аарыма не стал и повернул назад. На обратном пути он удачно встретил оленя, которого загнал в ложбину с густым тальником. Добыча оказалась кстати — он был голоден. Потом, восстановив силы, снова отправился проведать оленей, пасшихся в сосновом лесу, но те вновь не подпустили его. Они были настороже. Решив, что эти животные все равно далеко не уйдут, волк оставил их в покое.

..Через некоторое время Аарыма опять вернулся к оленям и обнаружил, что их выследили двуногие на железной повозке. Подойдя поближе, он, кроме знакомого запаха, уловил другой, и у него потемнело в глазах. Волк оскалил зубы и вздыбил шерсть на загривке. Он помнил этот запах, принадлежащий одному из тех двуногих, которые лишили жизни его верную подругу. Запах был совсем свежий. И этот двуногий промышлял такими же изуверскими железными штуками, как те, от которых погибла его волчица. С налитыми кровью глазами Аарыма пустился вслед за железными санями.

Смирение с судьбой

Щиплющий щеки мороз ослаб и превратился в легкий морозец, когда, чтобы согреться, достаточно хлопнуть себя ладонями. Колючие зимние вьюги, не сумевшие сдуть с земли ее снежное покрывало, сменились резкими порывами весенних ветров. Всем стало трудно передвигаться через затвердевший наст посеревших сугробов. Ночи хоть и стали короче, а дни длиннее, но воздух был по-прежнему морозен. Однако ход времени неумолим, и теплых солнечных дней становилось больше.

В наступающих сумерках лес был полон загадочных звуков. Кто-то без устали хрипло дышал, будто надували кузнечные мехи, и пронесся легкий топоток, было слышно чье-то глухое рычание вроде бормотания и резкий треск веточек. Это преисполненный ярости Аарыма, оскалив зубы, мчался по накатанной людьми дороге. Прибежав без остановок к жилищу человека с железной повозкой, волк обогнул лужайку перед домом и со стороны леса проник на задний двор. У хозяина собаки нет, и волк хотел узнать — здесь ли охотник, за которым он явился сюда. Никто не выходил и не заходил. Лишь у начала большой дороги время от времени подъезжали и останавливались железные повозки, откуда выходили двуногие и о чем-то разговаривали. Вот они собрались у другой железной повозки — пытались развернуть ее или сдвинуть с места. То ли ресницы заиндевели и мешали смотреть, то ли наступающие сумерки были тому виной, но волк толком не смог разглядеть, чем они там занимались. Тщательно прижавшись к земле, он по небольшому углублению, вырытому в снегу копытами лошадей при тебенёвке, приблизился к двуногим насколько мог. Вдруг ему в ноздри ударил запах ненавистного врага, видимо, с последней железной повозки белого цвета, когда в ней открывали дверь. Когда все уехали, он еще раз тщательно принюхался. Так и есть — это был тот самый двуногий! От досады волк сначала даже взвыл, но тут же умолк. «Я не буду сидеть и выть, я добьюсь своего». Он заскрежетал зубами и пустился вслед за железной повозкой с ненавистным ему двуногим. Матерый подозревал, что если сейчас не догонит врага, то скоро может забыть его запах и не узнать этого человека при встрече. Осиротевшее сердце подсказало, что надо действовать.

Выйдя к лесу, растущему вдоль большой дороги, Аарыма в пылу погони помчался прямо по снежной целине в ту сторону, куда уехал его враг. Ко времени четырехчасового чаепития двуногих поверхность снега постепенно начала твердеть, стало трудно передвигаться, но Аарыма без устали стелился в размеренном быстром беге. По звуку проезжавших железных повозок определял, далеко ли находится от дороги. Когда начало темнеть и уменьшилось количество техники, волк все чаще стал выходить к дороге, чтобы определить свое положение. Затухающий свет неба едва озарял заснеженные поля, а в чаще леса стало совсем

темно. Вскоре движение по большой дороге прекратилось. По понятиям Аарымы, любой путь имеет начало и конец, и волк рано или поздно догонит ненавистного ему двуногого в конце этой дороги...

В едва уловимый миг между сумерками и появлением на небе ясного месяца и первых мерцающих звезд наступает крошечная тьма. В эту пору гнетут тяжелые мысли, душа сжимается от какого-то неясного предчувствия: кажется, что не только день и ночь, свет и темнота поменялись местами, но и красота и добро уступили злобе и пороку. Прийти и дитя природы волк, положив, как всегда, голову на передние лапы и прикрыв глаза.

Прошло немного времени, и волк вновь начал лихорадочно размышлять. Он словно переродился — еще окончательно не поняв, что случилось, почувствовал таинственное дуновение чего-то, а открыв глаза, увидел россыпь сияющих звезд и луну — они звали его куда-то в путь. И будто к силе прибавилась сила, к мощи добавилась мощь. Аарыма вскочил и, едва касаясь земли подушечками пальцев на лапах, помчался по утоптанной табунами придорожной ложбине. Его приветствовал радостный месяц — не такой яркий, как полная луна, и больше похожий на краешек желтой оладьи, но все-таки освещающий волку путь. Тени деревьев растягивались и принимали причудливые, порой просто фантастические очертания. Радостно заблестели и бесчисленные звездочки, переливающиеся, словно рассыпанные на темном холсте золотые песчинки. Они, казалось, благословляли волка, приближаясь, становились крупнее и ярче. Приветливый месяц тоже подбадривал волка и, давая понять, что тот не один, летел по небу с ним наравне и нашептывал: «Ну-ка...» Пробежав примерно два десятка километров, Аарыма достиг высокой длинной гряды, а когда взобрался туда и посмотрел вниз, то у него захватило дух от изумления. В таинственном свете ночного светила перед волком открылась впечатляющая панорама.

Большая дивная дорога тянулась идеально прямо и уходила вдаль. Если бы кто-то, имеющий крылья, воспарил в ночной вышине, то увидел бы, что по обеим сторонам дороги в лунном сиянии матово блестяла обширная долина. Трасса была оторочена густыми зарослями ивы, и снег на ветвях деревьев искрился так, будто на воротник богатой шубы разом высыпали все звезды мироздания. И тут же текла довольно крупная речка, которая, видимо, вольготно разливается весной, но сейчас, накрывшись теплым снежным одеялом, спокойно спала в своем привычном русле. Через нее был перекинут большой автомобильный мост, в свете приветливой луны показавшийся волку чуть ли не золотым. Дорога перебиралась по нему на другой берег и, утончаясь, серебряной нитью исчезала во мгле. Дальше, где даже волчий глаз переставал различать оттенки зимнего леса, за молчаливой тенью ночной тайги была еле видна огромная извивающаяся туманность. Откуда Аарыме

было знать, что это была Великая река. По обеим сторонам реки в небе висели мигающие красные и желтые огни — огни опор высоковольтной линии, о чем, конечно, волк тоже не знал. И там же, чуть ближе, за лесом в конце долины, раскинулось нечто гигантское, которое дышало подобно живому существу. Его теплое дыхание поднималось в небо клубами дыма и превращалось в белесое облако тумана, окутавшее все вокруг. А самый большой столб дыма в свете ярких ламп был похож на лунную дорожку, по которой откуда-то с небес величаво нисходило волшебное сияние и медленно рассеивалось по земле.

Истинное дитя тайги волк, все время проживший в верховьях речки, увидел то, чего не видел, узнал то, о чем никогда не догадывался. Вначале даже оторопел. Ошеломленный, юркнул обратно в лес, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. В знакомой обстановке быстро пришел в себя и решил, что, преодолев такое расстояние, не должен отказываться от изначального намерения. Аарыма начал осторожно спускаться вниз в долину. Месяц по-прежнему продолжал помогать волку и через лесной частокол приветливо освещал дорогу. Прикрываясь деревьями — такими же, как и в верховьях его речки, — волк спустился к подножью высокой гряды и обрадовался, почувствовав, что и земля, и снег здесь были такие же, как и в его родных краях. Заметив обходную дорогу, расположенную справа от моста, перешел реку и по протоптанной лошадьми тропинке беспрепятственно пересек сказочную долину. По пути встретил несколько пасущихся кобыл, но те на него даже внимания не обратили. Видимо, приняли за собаку. Сразу за долиной вошел в лес и продолжил путь параллельно большой дороге. Волк бежал, и нос его улавливал множество запахов — и кобыл, и двуногих, и разных железных повозок. Когда Аарыма достиг окраины поселка, наступила полночь.

Пытаясь понять, как пройти дальше по большой дороге, волк осторожно прополз к небольшой березовой роще, притулившейся метрах в четырехстах от первого дома. «Дорога, оказывается, не идет прямо, а петляет между многочисленными, словно деревья в лесу, домами, — подумал в замешательстве волк. — Если идти по правой стороне, то там горит свет и слышен лай собак. Пробраться между домами тоже не получится, там тоже столько собак, что, попади я к ним, от меня даже шкуры не останется. Может, стоит попробовать пройти вдоль реки...»

Аарыма, как и планировал, перебежал дорогу около последнего дома, прошел к реке и сквозь ветви деревьев осторожно заглянул вниз. Он в очередной раз подивился ширине раскинувшейся перед ним Великой реки. Матерый раньше не видел такой огромной ледяной долины. Кроны вековых деревьев, росших по берегам заснеженной реки, не могли перекрыть ее, как это обычно бывает с таежными речками. Дитя природы волк вновь испытал чувство робости перед величием стихии. Пока он всматривался вдаль, к реке по пересекавшей ее широкой зимней дороге с лаем и дракой спустилась большая свора местных собак. Продолжая

набрасываться друг на друга, часть из них перешли реку. Мудрый волк понял, что время гона наступило и для собак, также он уразумел, что сейчас, в пору собачьих свадеб, ему не удастся перебраться через реку. В своре, которую он видел, были псы размером с хорошего жеребенка. Даже если привести всех волков с верховьев его речки, то ничего путного из противостояния этим многочисленным собакам не выйдет. Стоит залаять одной собаке, как со всего большого поселка сбегутся все остальные. Если сейчас волк пойдет по дороге, то его вмиг разорвут, и неизвестно, достанется ли всем хотя бы по клочку его густой зимней шерсти.

Ни к какому решению Аарыма так и не пришел и вернулся обратно к березовой роще. Только он улегся, как из-за поворота, ревя мощными моторами и ослепив его ярким светом фар, появились припозднившиеся автомобили. Они подъехали прямо к тому месту, где лежал волк. Перепуганный и ослепленный, чуть не натыкаясь на деревья, он бросился в лес. Теперь сын природы наконец-то осознал, почему всегда инстинктивно избегал двуногих в лесу. Они превосходят всех умом, многочисленны и очень организованны, подчинили себе разных животных и даже железными повозками командуют. Волк четко уяснил: противостоять двуногим и состязаться с ними никто не в силах. Он увидел, как живут люди, и душа его приняла предначертанное судьбой. Аарыма не догадывался, что двуногий, за которым он пришел в незнакомые ранее дали, в это время, поставив машину в гараж и посидев с домашними за уютным вечерним ужином, спал и видел десятый сон. Причем его дом стоял первым от березовой рощи, где скрывался волк. Да и что Аарыма мог сделать, даже если бы узнал об этом? Просто жизнь волка на этом бы оборвалась. Сын природы не мог противиться решениям Урдук Айылар — жителей Верхнего мира, сотворивших все живое в Среднем мире. Вершители судеб всего сущего предопределили изначально, что человек на древе жизни располагается выше волка.

От бессилия и обреченности он зарычал на повстречавшихся ему кобыл, но даже они, чувствуя близость хозяев, лишь лениво посмотрели в его сторону. Еще больше расстроившийся волк решил развеяться, да и подкрепиться надо было давно, и он двинулся к речке с золотистым мостом.

Оттаявшее сердце

Эта речка несла свои воды с юга, со стороны родных краев Аарымы, и он отправился вверх, против течения. По пути уже никуда не спешащий волк обстоятельно знакомился с новыми местами, обследовал все впадающие в речку ручьи и ручейки, все прилегающие к ней леса и перелески. Волчья память автоматически фиксировала увиденное, он узнал, какие птицы и звери тут обитают, на кого охотятся и кто охотится на них. Чем дальше он уходил от жилья ненавистного ему двуногого,

тем легче ему становилось. Он с удивлением почувствовал, что душа наконец-то освободилась от тяжелого бремени, а сердце, заледеневшее от горя и одиночества, оттаяло и вновь встрепенулось.

...Весенние дни стали более длинными, и светать начало рано. Сначала горизонт окрасился в нежно-алый свет, озарив теплыми красками облака, и лишь потом робко выглянуло долгожданное светило. Прошло еще какое-то время, в течение которого огромная заснеженная тайга наполнялась светом предстоящего дня. Еще мгновение, и солнце стремительно взошло, разбрызгивая по лазурной небесной шире яркие золотистые лучи. Волшебство восхода волк наблюдал с поляны у сосновой рощи. По мере того как солнце поднималось, растянувшиеся на искрящихся снежных бугорках тени задумчивых сосен начинали сжиматься. Утро нового дня наполнилось радостным птичьим щебетаньем, воспринятым Аарымой как торжественная музыка. Волк с тех пор, как потерял подругу, забыл, что восход — это всегда волнующее до глубины души, завораживающее зрелище. Сегодня ему показалось, что солнце взошло по-особому, обещая что-то доброе и желанное.

Таежный хищник весь день рыскал по притокам реки, обежал обширную территорию. Тут оказались богатые на всякую живность и прекрасные для охоты урочища, леса и густо заросшие деревьями пологие сопки. Ему все это пришлось по душе, но была и странная местность, которая произвела на него удручающее впечатление. Там стояла мертвая тишина — волк не заметил ни одной живой души, даже пташки малой не увидел. Огромные беспорядочные навалы земли и камней, извлеченных из самых недр, уничтоженная почва, на которой теперь ничего не росло, выкорчеванные деревья — все это, конечно, другого впечатления на истинного сына тайги произвести и не могло. Было ощущение, что от вырытого двуногими огромного котлована дохнуло преисподней и зверье и птицы в страхе покинули эти места. Лобастый серый тоже поспешил убраться с мертвой земли.

...Чуть выше по течению закончился сосновый лес, не было видно даже молодой поросли. Потому, вероятно, здесь не было и глухарей, любящих эти высокоствольные хвойные деревья. Вскоре начались уже знакомые Аарыме места. Добравшись до урочища, где стая чужаков прошла на гон, волк повернул к большой дороге. Он пересечет ее и пойдет напрямик в сторону своего логова.

Вечерело. Старательно согревавшее весь день землю солнце утихло и собралось на покой. Оно спряталось за верхушки деревьев и, озарив лес прощальными лучами, прикрыло ясные очи и закатилось за горизонт. Но его отблески еще какое-то время слабо освещали землю, пока окончательно не наступили сумерки.

В это время Аарыма у края густого леса с растущими вперемежку елями и лиственницами выжидал момент, чтобы пересечь большую дорогу. Показалась железная повозка, которая почему-то замедлила ход и включила свет на полную мощность. Лобастый волк с удивлением

увидел прыгнувшего в сторону зверя. Он не успел разобрать — то ли собака это была, то ли волк. Чужаков здесь не должно было быть. Или... Неужели те самые волки вернулись? Тогда почему этот один, а где остальные члены стаи? Заинтригованный таежный хищник затаился и, превратившись в сплошные глаза и уши, стал ждать, что будет. Двухногие не остановились, а проехали дальше. Зверь вновь вернулся на дорогу и продолжил путь. На взгляд Аарымы — волк волком. Тогда почему он бежит по дороге, словно собака? Недоумение только усилилось. Вновь показалась железная повозка. Теперь она ехала с противоположной стороны. Зверь, как и в прошлый раз, прыгнул в сторону. На этот раз повозка двухногого остановилась напротив того места, куда он скрылся. Ветер поменял направление и подул со стороны дороги, но из-за смрада, тянущегося вслед за железной повозкой, по-прежнему было невозможно разобрать по запаху, волк это или собака. Вдруг Аарыма заметил, что открылось окошко железной повозки и оттуда выглянуло что-то похожее на палку. Сердце волка екнуло. Это было изрыгающее пламя жестокое приспособление двухногих, которое убивает на расстоянии. Эх, кто бы там ни был — волк или пес, — ему пришел конец. С такого близкого расстояния не промахиваются. Только что бежавший по дороге зверь сейчас уткнется мордой в землю, и белый снег окрасится кровью. Но двухногий почему-то медлил, выстрела все не было и не было. Что-то говорил. Ветер доносил обрывки фраз: «Собака... Волк... Черт его знает... Собака, что ли...» Железная повозка взревела и тронулась с места.

Аарыма в несколько больших прыжков оказался у дороги и со всего размаху налетел на того самого зверя, за которым только что следил. Тот кубарем скатился с дорожной насыпи. Волк успел определить по запаху, что это все-таки была собака. Более того, это была собака его двухногого соседа! Аарыма хотел было тут же растерзать ее, вцепиться в горло своего некогда смертельного врага, который почему-то оказался ночью один на дороге. Но что-то остановило его — может быть, именно то, что она была собакой его двухногого соседа, не выстрелившего в него тогда на алаесе, или еще что-то, — и она осталась жива. Волк, поражаясь сам себе, спокойно сидел и наблюдал, как собака поднялась, оскалила зубы и зарычала. Потом прижала уши и чуть присела — она была готова к прыжку, если Аарыма двинется в ее сторону. «Она не лает и не убегает, поджав хвост, как трусливая собака при встрече с лесным зверем, а совсем как волк оскалила зубы и готова напасть», — удивился Аарыма, не желавший вступать с ней в драку. Хотя, конечно, это была бы не драка, а убийство со стороны волка, и он осознавал это. Матерый отпрыгнул в сторону и побежал по еще глубокому снегу напрямик к укрытому мраком лесу.

Чуть не ставшая добычей волка и чудом не застреленная людьми собака вышла на большую дорогу и побежала по трассе вслед за своим хозяином. Она уже несколько лет жила у человека со слегка согнутыми

в коленях от болезни ногами. Теперь он ее лесной хозяин. Сегодня он на машине отправился в поселок. Команды сторожить не было, да и охранять в зимовье особо нечего, и она побежала вслед за ним. Честно говоря, она соскучилась по играм с хозяйскими детьми, которые росли рядом с ней и искренне любили ее, всегда ласкали и баловали. Именно дети дали ей прозвище Кыыстара. И еще она очень соскучилась по вкусным угощениям хозяйки. Но до поселка Кыыстара сегодня так и не добралась, поскольку встретила возвращающегося к зимовью на тракторе хозяина. Пришлось разворачиваться и бежать обратно. Она сызмальства усвоила закон, согласно которому никогда нельзя бросать хозяина и нужно быть готовой отдать за него жизнь. Он должен быть уверен, что всегда может положиться на свою собаку, как на самого себя. Кыыстара привязалась к раскачивающемуся на больных ногах хозяину, и, что бы ни случилось с ним, она никогда не оставит его одного. Сейчас ей надо добраться до маленького села, пройти по следу снегохода до развилки просек, а затем проследовать за трактором к зимовью. Так она значительно спрямит путь — получится всего-то десять с небольшим километров — и уже скоро окажется дома. С такими мыслями любимая собака хозяев Кыыстара быстрой рысцой спешила к зимовью.

Взошла луна — еще не полная, но радостная, как и во все последние дни. Высыпали звездочки, начавшие игриво перемигиваться. Потянул западный ветер — скоро он нагонит облака. Кыыстара уже прошла небольшое село и очутилась на просеке, которую, казалось, вот-вот поглотит темнота окружавших ее густых деревьев. И вдруг она заметила смутно выделяющуюся фигуру огромного зверя, чья густая шерсть на загривке отсвечивала в свете луны матовым блеском. Собака табунщиков поняла, что сворачивать в сторону леса бесполезно: она сразу увязнет в снегу с ледяным покрытием и ее растерзают так, что даже клочка шкуры не останется. Бежать обратно тоже нет смысла — догонят в два счета и разорвут. Оставалось только вступить в драку, а потом, если удастся выжить, поползти до хозяина.

Попавшая в безвыходное положение верная своему хозяину собака приняла тяжелое решение. Она ссутулилась и начала медленно приближаться к волку. Тот даже не шелохнулся. И вдруг он издал что-то среднее между воем и лаем, исторгая в своей не то песне, не то рассказе неизбывную печаль. Кыыстара вначале не поняла, что происходит, но потом в глубине ее души что-то дрогнуло, взыграла проснувшаяся кровь предков...

Подувший с запада ветер принес серые тяжелые облака, обложившие все небо и закрывшие луну и звезды. Последнее, что увидела луна: громадный волк и собака вполтину меньше его ростом сидят и, запрокинув головы, то ли воют, то ли поют.

Через неделю хозяин собаки рассказал всем, что она приходила в поселок за ним и потом пропала. Человек, который чуть не застрелил

ее на трассе, вспомнил, где видел ее. Попытались было поискать следы, но после снегопада это оказалось бесполезным занятием.

Вскоре хозяин собаки вновь появился в поселке и немало удивил всех, рассказав, что Кыыстара пришла домой. Никто не знал, где больше недели пропадала подопечная невысокого человека с большими ногами. Об этом, видимо, знала лишь одна безмолвная луна. Да и звезды, наверное, могли бы что-то рассказать — недаром они с невероятной высоты радуются чему-то и таинственно перемигиваются, будто им что-то известно.

После этого случая пропал и местный волк. Если раньше охотники хотя бы видели его следы в разных местах, то теперь их нигде не было заметно. Только Кыыстара, верная и любимая собака хозяев, стала часто протяжно лаять на луну. Удивленные домочадцы не могли понять: это она лает или воет, поет или плачет? Что это с ней? Не знаем и мы, может, это была скорбь осиротевшей души...

Глава третья

Новые владения

Закончилось буйство зелени короткого якутского лета, и перелески милых сердцу аласов запылали багрянцем — осень вступила в свои права. Припозднившиеся утки сбились в густые перелетные стаи. Они выткали над озерной гладью колышущиеся узоры и с щемящими душу прощальными криками отправились на юг. Покинула родные места и одиноко летающая в кромешной тьме выпь. Не слышны пронзительные переключки и прощальные песни гусей, пронесшихся в поднебесье с новым потомством, появившимся на белый свет в далеких полярных гнездовьях. Осень. Время, когда имеющий нору прячется в нору, а хозяин берлоги залегает в берлогу.

В чарующую и одновременно хлопотную и грустную пору, когда времена года сменяют друг друга, Аарыма тоже решил на перемену места обитания. Расставшись с протоптанными вдоль и поперек с детства тропками, волк перебрался на другой берег Большой речки, прошел к ее верховьям и занялся подробным знакомством с новыми территориями. Он уже забегал раньше в эти земли, и они понравились ему богатой живностью, прекрасными для охоты урочищами, лесами и сопками, густо заросшими деревьями. Понимая, что он здесь незваный гость, на первых порах волк особо себя не проявлял, а потихоньку охотился и так же спокойно расширял свои новые владения. Он с удовлетворением заметил, что здесь много оленьих и лосиных следов. И это неудивительно: возвышающиеся здесь невысокие сопки питают своими водами бесчисленное количество ручьев и речушек, а пологие пади и распадки богаты любимой пищей копытных в любое время года. Также не могло не

радовать серого, что в тихих, безмолвных уголках много разной боровой дичи. На самых толстых нижних ветвях могучей лиственницы, с тревогой оглядываясь по сторонам при появлении Аарымы, восседали большой черный глухарь и его самка. В редколесьях бормотали тетерева, а в чащобе вдоль ручьев и в валежниках обитали куропатки и сновали рябчики, которые не только прекрасно летают даже сквозь густые ельники, но и быстро бегают по земле. Волк надеялся, что зимой как-нибудь наткнется в сугробах на лунки, в которых они ночуют в самые сильные морозы. Это, конечно, будет прекрасной возможностью подкрепиться. В отличие от его родных лесов, здесь гораздо больше лиственниц, особенно красивых летней порой, когда они еще не сбросили свою зеленую хвою и шумят в унисон с вольными ветрами великой тайги.

Нынче волк вдоволь отъелся на расплодившихся в сухостойных лесах упитанных зайцах, про которых в народе саха говорят: зайчишки с заплывшими от жира почками. Особо Аарыма благодарен дедушке Байанаяу. Тот не забыл своего лесного сына и подарил ему неожиданную добычу в виде одиноко пасущегося теленка сохатого. Будь таежные великаны рядом с лосенком, хищник, конечно, ни за что бы не сунулся под их смертоносные копыта. Так что волк встретил зиму отъевшимся, с запасом жира и хорошо уплотнившимся мехом.

Аарыма, решивший окончательно обосноваться или хотя бы перезимовать в этих местах, к первому снегу уже изучил свои будущие охотничьи тропы и значительно расширил владения. Однажды во время очередной вылазки он встретил местного волка, бывшего некогда грозным хозяином этих земель. Раньше этот волк по имени Хосуун — то есть «смелый», «храбрый», «удалой» — спуску никому не давал; он часто и много дрался, чтобы защитить свои богатые угодья от желающих поселиться здесь. Но никто не смог выдержать соперничества с ним: его взгляд и тяжелое дыхание, отчаянная храбрость, с какой он бросался в любую схватку, заставили отступить всех соперников. Со временем чужаки перестали даже помышлять о том, чтобы посягать на участки Хосууна, наоборот, стали опасаться его стаи, наводившей многие годы страх и трепет на всех.

Теперь хозяин этих мест заметно постарел и по сравнению с новоприбывшим огромным волком, который минувшим летом хорошо питался и сейчас прекрасно выглядел, усох и даже как будто стал меньше ростом. Но Аарыма, который мог разорвать некогда грозного вожака, из уважения к его сединам отступил и ушел к себе.

Конечно, Хосуун был уже не тот, но большой жизненный опыт все еще помогал ему добывать пропитание. Аарыма сразу определил, что за старым вожаком следует молодая самка, совсем еще дитя по сравнению с ним. Сначала он удивился, что юная волчица ходит в паре с дряхлым волком, а не в стае, но потом предположил, что она, наверное, осиротела, а стая распалась. Двуногие любят охотиться в этих местах, значит, они могли сократить численность серых хищников, впрочем,

как и случайно забежавшие сюда волки, с которыми могла уйти часть местных.

Ко времени, когда выпал снег, который уже не растает до весны, началось первое массовое кочевание оленей. Они переправлялись через хорошо знакомую Аарыме речку в сторону его некогда родных мест, и волку удалось добыть несколько животных. Пока это были местные олени, а не проходящие большие стада.

Когда Матерый завалил первое животное, юная волчица, которой, видимо, уже ничего не перепало от редких трофеев постаревшего Хосууна, пристроилась к нему. Аарыма не стал прогонять ее. У молодой самки за ушами, у скул, а также чуть повыше живота были яркие желтовато-рыжие подпалины, напоминающие солнечные зайчики. Однажды Аарыма стал свидетелем редкостной по красоте картины, которая глубоко тронула его сердце и взволновала душу. Юная волчица искупалась в небольшом, но глубоком озере. Когда она вышла на берег и отряхнулась, то волку показалось, что все пространство вокруг заполнилось брызгами солнечного света. За красивую блестящую шерсть он мысленно прозвал ее Кылбара — блестящая, сияющая.

Волки, невольно ставшие парой, хоть слегка и огрызались друг на друга, но трофеи Матерого в дальнейшем ели вместе. Молодая самка поджимала хвост, робко подходила к добыче Аарымы и урывала кусок, с которым отходила в сторону. Она все-таки опасалась взрослого сильного самца и предпочитала сохранять дистанцию. Однажды к их совместной трапезе присоединился появившийся откуда-то Хосуун. И Аарыма, и юная волчица из уважения к пожилому вожаку некогда большой и грозной стаи молча расступились — это было у них в крови. С этой поры старый волк с истершимися клыками, который был уже не в силах добывать себе еду, всюду следовал за Аарымой.

Кылбара была слишком юна и неопытна, чтобы знать все тонкости и премудрости охоты. Секреты классического загонного волчьего промысла, нюансы нападения из засады, где требуется огромное терпение, умение переговариваться воем, — всего этого и еще очень много она не знала, и матерый волк взялся за ее обучение. Старый вожак как шел за ними, так и продолжал идти по их следам. Аарыма и Кылбара отнеслись к этому совершенно спокойно и из каждой добычи оставляли старому волку его долю.

Ночной переполох

Весна была уже не за горами, и днем в воздухе ощущалось едва уловимое нежное дыхание скорой оттепели. Насквозь промерзшие за долгую зиму лапы елей наконец-то освободились от неимоверной тяжести снега, склонившей их до самой земли, и с радостным облегчением

распрямились. Снег, несмотря на все еще сохраняющиеся морозы, днем становился мягким и податливым.

По привычке Аарыма следил за передвижениями двуногих. В этих краях тоже занимались разведением лошадей, которые паслись на просторных лугах, будто специально созданных для тебенёвки. Возле дома, за которым теперь наблюдал волк, в большом специальном загоне содержалось восемь голов молодняка. Трескучие морозы, заставлявшие сжиматься все живое, отступили, и длинногривые дети Джёсёгея с удовольствием разгоняли кровь и разминали застоявшиеся ноги. Радуясь, что пережили зиму, они громко фыркали и, нарушая ночную тишину, носились взад-вперед по загону, над которым стоял белый пар от их теплого дыхания. Возле добротного дома, рубленного из толстых бревен, в небо взметнулась островерхая ураса*, и откуда-то с невероятной высоты ее внутреннее убранство пыталась разглядеть любопытная звезда.

В одну из лунных ночей Аарыма подошел вплотную к жилью двуногого. Когда он пробирался мимо загона, то лошади, доедавшие остатки вечерней порции сена, испуганно шарахнулись в противоположный угол. Но волк не обратил на них внимания — он был занят изучением жилья: в окнах свет горел, однако никаких признаков присутствия двуногих не было. Волк привык к доносящимся из дома звукам, похожим на те, что слышал у своего бывшего двуногого соседа, но сегодня все было тихо.

Судя по запахам, висевшим в неподвижном морозном воздухе, заслонку печной трубы прикрыли уже давно, и поэтому Аарыма решил подойти к жилью так близко. Волк определил, что двуногих в доме сейчас трое — все они табунщики. Других людей здесь не было. Один из табунщиков прибыл сегодня. Резкий запах пота его коня ощущался до сих пор.

Стояла тишина. Лишь слышно было, как в ближнем загоне время от времени беспокойно фыркал молодняк, а в дальнем крайнем выгоне две рабочие лошади доедали сено.

Больше тут ничего не удалось выведать, и Аарыма повернул обратно. Возвращаясь, прошел мимо традиционной якутской коновязи — сэргэ, — возле которой стояли большие зимние сани, называемые иногда дровнями. Тень волка в свете полной луны казалась громадной. Аарыма продолжал недоумевать: «Почему двуногие сегодня легли спать так рано и почему никак не отреагировали на испуганный топот и ржание молодняка в загоне?»

Ставшая подругой Аарымы Кылбара, ждавшая его на ближайшей опушке, при виде друга вскочила и радостно вильнула кончиком хвоста. Хосууна не было видно, но запахи, приносимые едва уловимыми движениями ночного воздуха, говорили, что старый волк затаился где-то слева от них.

Волки, чтобы не оставлять следов и не привлекать лишнего внимания, широкие луга и просторные алаасы пересекали, осторожно ступая

* Ураса — летнее традиционное жилище якутов, конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берестой.

по протоптанным кобылами дорожкам. При этом хищники всегда шли точно по лошадиным следам, какими бы кружными они ни были. Да и на охоте они поступали так же. Загоняя добычу, они, чтобы не устать, шли след в след и время от времени менялись местами. Кылбара, принявшая Аарыму за своего жоака, как истинное дитя природы все, чему он учил, схватывала на лету. Лишь однажды волк потрепал ее за загривок, когда она оплошала на охоте: не выслушав до конца его предупредительного воя, молодая волчица устроила засаду в совершенно другом месте.

А вот Хосуун на заметание своих следов, казалось, внимания совсем не обращал. В отличие от волчьей пары, он пересекал опушки и луга по прямой и где хотел. Старый жоак не кружил, ступая по следам лошадей, он словно стремился напомнить всем — вот он я! Да и как еще ему было вести себя на земле, где столько лет он был вершителем судеб. При виде кобыл старый волк только облизывался, поскольку понимал, что они ему уже не по зубам. От бессилия лишь злобно рычал, когда пробегал мимо них. Сейчас старый боец был способен только на это...

Аарыма понимал, что старый волк специально оставляет следы, чтобы владельцы лошадей по-прежнему опасались его, и это ему не очень нравилось. Хотя, когда они с Кылбарой перемещались по лесу, старый волк шел за ними строго след в след и его гигантская лапа перекрывала очертания их конечностей. Волчьей пары как бы и не было, а был лишь след прежнего хозяина этих мест.

...Двуногие, прознавшие, что ночью к их жилищу вплотную подходил волк, подняли переполох. Но Аарыма об этом еще не знал.

«Я еще покажу вам! Рано меня на покой отправлять!» — будто грозила зима, студеное дыхание которой сегодня стало таким же, как в самый разгар холодов. Полная луна, округлившаяся до невообразимых размеров, висела в небесной вышине и не моргая смотрела вниз. А прямо над макушкой, готовые разбежаться от невыносимого холода, толпились стремительные хвостатые звезды.

...В полуночной тишине раздался скрип плохо смазанной наружной двери. Затем последовал глухой удар об порог, сотрясший стену, от которой, казалось, разошлись волны холодного воздуха.

Это один из табунщиков вышел по малой нужде. В зыбком свете луны ему можно было дать примерно шесть десятков лет. Прежде чем вернуться в теплый дом, он решил проверить, почему беспокоится годовалая кобыла. Конечно, он знал, что из-за бельма на глазу эта лошадь шарахается от любой мелочи, но на всякий случай надо посмотреть, в чем дело. Он осветил фонариком ту сторону загона, которая находилась в тени растущих прямо у изгороди высоких деревьев: большинство лошадей дремали, а две кобылы, будто чувствуя наступление тепла, даже разлеглись на плотно утоптанном снегу. Лишь пегий жеребец беспокойно вышагивал взад-вперед и настороженно фыркал.

Вроде бы не было ничего, что могло вызвать беспокойство, но, возвращаясь назад, табунщик вдруг заметил возле угла изгороди какие-то следы и остановился, чтобы внимательно рассмотреть их при свете фонаря. «След молодняка... Неужели вышли за ограду?» — промелькнуло у него в голове. Приблизившись, он тщательно осмотрел следы и удивленно отшатнулся. Затем быстро направился в сторону дома. В это время его молодой напарник, разбуженный громким стуком двери, вышел на крыльцо покурить. Табунщик увидел напарника и окликнул его. Они вместе еще раз внимательно осмотрели обнаруженные следы. Затем прошли по ним дальше и возле саней увидели четкие отпечатки, оставленные Аарымой.

— Вот это да! Ты только посмотри, какие лапищи у этого волка! — воскликнул тот табунщик, который был постарше. — Дожил до седых волос, но даже не подозревал, что бывают волки с такими большими лапами. Следы жоака местной стаи, кажись, были меньше... Или это все-таки он? Но его стая уже давно распалась, а остатки охотники-волчатники истребили... С тех пор их никто и не видел. Что же это все-таки значит?

— Ну твой брат же говорил, что на месте тебенёвки заметил какие-то следы, а ты сказал, мол, это были отпечатки лисьих лап. Это правда волчьи следы? — спросил молодой табунщик, который, видимо, не очень хорошо разбирался в охотничьей азбуке.

— А чьи же еще! Разумеется, волчьи! Собакам тут неоткуда взяться... Если ты, конечно, не привел их за собой... У собак совсем другой рисунок следов. В любом случае странно, что волк приходил прямо к дому... Или это он к лошадям так присматривается? — произнес табунщик постарше и направился к дому.

Как лошади и предчувствовали, уже к утру морозы отступили, потеплело, и из серых низких облаков посыпало легким пушистым снегом. Табунщики разошлись к местам тебенёвки лошадей. Старший отправился к косяку кобыл, пасущемуся к северу от их конебазы. Его родной брат, высокий и стройный мужчина, сославшись на то, что покормит стоящий в загоне молодняк, остался на базе. А их самый молодой товарищ направил своего коня к южным пастбищам.

Когда самый старший по возрасту табунщик вернулся на базу, то оказалось, что из поселка приехал знакомый тракторист на «Беларусе», — они попросили его помочь подтащить к загону для молодняка большой стог сена. Гость уже был наслышан от младшего брата табунщика о ночном госте из леса.

Вскоре прискакал парень, побывавший на южных пастбищах. Он был возбужден и встревожен. Торопливо поведал, что волки задрали кобылу из одного табуна, а лошадь из другого косяка не явилась на кормежку. Добавил, что видел волчьи следы — такие же большие, как и те, что обнаружили возле дома прошлой ночью.

Настала очередь остальных удивиться и встревожиться. Они знали, что местный волк состарился и уже давно не трогает лошадей. Тут же было решено поехать на тракторе, чтобы на месте разобраться в произошедшем. Оказалось, что волчья стая отсекла от табуна кобылу и завалила ее лишь после нескольких безуспешных попыток. По утопанному и окровавленному во многих местах снегу было видно, что кобыла несколько раз падала и каждый раз вставала, пока волки окончательно не свалили ее. Когда она испустила дух, серые хищники устроили пир на весь мир. Судя по тому, что каждый пировал по отдельности, волки буквально разорвали кобылу на куски и растащили их по всему пастбищу. Это была стая из четырех или пяти зверей.

...После того как «Беларус» сделал свое дело, табунщики попросили тракториста рассказать в поселке о случившемся и направить к ним охотников-волчатников.

В это время Аарыма с Кылбарой были на Большой речке. Хосууна с ними на сей раз почему-то не было.

Волчатники

Тракторист оказался хорошим вестовым. Несмотря на позднее время, он тут же обзвонил охотников, а также других односельчан, у которых имелись табуны лошадей, и рассказал всем о случившемся.

...Аккурат в этот вечер за столом собрались друзья-охотники. Уже долгое время все их разговоры выливались в жаркий спор о том, почему они сплеховали в последний раз, когда упустили стаю волков. Друзья спорили о деталях прошлой охоты на серых хищников и каждый раз приходили к мнению, что в целом загон был сделан по всем правилам, но неверно расставлены стрелки. Однако в этот раз их разговор был прерван в самом начале торбозным радио* нашего времени — чрезвычайно популярным в народе интернет-мессенджером, распространившим информацию о том, что прошлой ночью в их наслег** волки задрали кобыл. Новость мгновенно облетела весь поселок, и тут же друзьям-охотникам посыпались звонки. Табунщики спрашивали их об одном и том же: собираются ли они на уничтожение волчьей стаи или нет. Все еще находящиеся на взводе после конфуза с упущенными волками, друзья изъявили горячее желание реабилитироваться перед односельчанами и тут же договорились со своим начальством о внеочередных отгулах.

По утренней пороше охотники-волчатники двинулись в путь. Друзья были полностью экипированы, вооружены до зубов, и настрой у них был самый решительный.

* *Торбозное радио* — устная передача известий от человека к человеку, аналог русского выражения «сарафанное радио». *Торбозы (торбаза, торбаса)* — мягкие сапоги из оленьих шкур мехом наружу.

** *Наслег* — территория сельского поселения.

Но поход не задался с самого начала. Выглянувшее из-за облаков солнце заиграло мириадами солнечных бликов на свежевывавшем снегу. Яркий блеск слепил глаза и мешал следить за дорогой, и вскоре танкетка, как тут называют гусеничный вездеход, наехала на невидимый под снегом пень, и у нее слетела гусеница. Как оказалось, был сорван один из траков, соединительный палец которого парни в глубоком снегу так и не нашли, хотя на поиски потратили немало времени и нервов. После долгих мучений соорудили замену из подручных средств, но и это не помогло — гусеница постоянно слетала.

После недолгого совещания было решено отправить в поселок один из двух «Буранов», которые они везли в кузове танкетки. Охотники разделились. Один отправился в поселок, двое остались, чтобы подготовить все к быстрому ремонту. Четвертый поехал на другом снегоходе прямо к табунщикам с целью предупредить их и осмотреться на месте, пока еще светло.

Когда волчатник прибыл к табунщикам, то там был только младший из братьев. Выпив наспех горячего чая, охотник попросил хозяина поехать с ним и показать дорогу. Но тот отказался, оправдываясь тем, что ему надо еще успеть покормить лошадей до прихода других табунщиков, которые отправились на поиски пропавшей кобылы, но все еще не вернулись. И посоветовал дожждаться их. Но нетерпеливый охотник решил один съездить на место происшествия, а то зимний день короток и темнеет рано. Табунщик объяснил, как добраться до нужного пастбища, и волчатник, вновь посадив на прицепные сани двух своих собак, тронулся в путь.

Пока охотник изучал останки кобылы, искал любую зацепку, начало смеркаться. Пора было собираться в обратную дорогу. Вдруг Тынырах — одна из двух его собак — уловила какой-то запах и устремилась в ближайший лес, окаймляющий луг. Вслед за большой собакой побежал и длинноногий Кулгаах. Это был совсем еще юный пес, почти щенок. Вскоре послышался яростный лай двух собак, и почти сразу же раздался громкий визг Тыныраха. «Мой Тынырах!» — встрепенулся волчатник. Он спешно отцепил сани и, закинув карабин «Тигр» за плечо, яростно нажал на газ.

...Его большая собака лежала на снегу, жалобно скулила и лизала заднюю лапу, которую, видимо, волк перекусил своими мощными челюстями. Охотник не понаслышке знал, что волчьи челюсти могут запросто ломать любые кости своей добыче. В довершение к свалившимся на него несчастьям куда-то запропастилась вторая собака. Парень звал ее, но все бесполезно. По всей видимости, упрямый с детства пес погнался за волком. Наверное, думал, что догонит хищника, — время от времени раздавался его постепенно удаляющийся лай.

Охотник стал лихорадочно размышлять. На месте, где хищники задрали кобылу, он обнаружил припорошенные снегом следы нескольких волков, однако серые разбойники уже давно ушли — свежих

отметин не было. Но поверх их следов был совсем еще свежий отпечаток лап очень крупного волка. В парне разыгралась кровь. Что делать? Его самая любимая и опытная охотничья собака стала калекой, а теперь он может лишиться и второго пса. Волчатник вновь стал звать Кулгааха и, услышав вдали надрывный лай, направил туда снегоход. Охотник понимал, что любой волк может разорвать его совсем молодую собаку. Как назло, на пути попался густой валежник, и, объезжая его, парень потерял много времени. Внезапно сверкнула мысль, которая заставила прибавить газу: волк вовсе не убегает от щенка, а дразнит, заманивает его! Пока охотник объезжал очередной большой бурелом, стемнело и над верхушками деревьев показалась полная луна.

Продолжая подзывать собаку, парень ругал себя за то, что взял с собой глупого щенка, который ничего не умеет. Вместе с тем его посетила и другая мысль, присущая азартным охотникам: «Уж эту-то собаку я тебе не отдам! Посмотрим, кто кого — ты или я!» Вскоре лес кончился, и «Буран» вынес охотника на обширную речную пойму, залитую голубоватым лунным светом.

Серые разбойники

Всюду следовавший за парой волков старый вожак в последнее время стал часто впадать в раздумья и отставать от своих компаньонов. Так случилось и в этот раз.

Почтенный Хосуун нынче как никогда ясно осознал, что впереди у него уже ничего нет — все осталось позади. Он постепенно свыкся с мыслью, что его волчий век подходит к концу и скоро он присоединится к вечной стае праотцов. Окидывая взглядом прожитую жизнь, Хосуун с гордостью думал о том, что в пору своего расцвета владел обширными и богатыми охотничьими угодьями в верховьях речки, где водились самые разные птицы и звери. Был вожаком большой стаи, защищал каждого ее члена и бился до последнего с каждым, кто посягал на них. Хосуун никогда не преступал суровых законов тайги — не мешал охотиться другим серым собратам, во владения других волков не вторгался. Вместе с тем некогда гордому вожаку большой стаи была противна сама мысль о том, что он станет совсем немощным и его еще живую плоть разъедят ничтожные черви. Сейчас он следовал за молодым и сильным самцом, находившимся в расцвете сил и напоминавшим его самого. Он питался тем, что добыл этот волк, и ему, привыкшему рассчитывать только на себя самого, нынешнее положение совсем не по душе. Он был слишком горд для этого. Как истинный вожак и боец, старый волк мечтал быть сраженным пулей удачливого охотника или погибнуть в смертельной схватке.

Погруженный в глубокие раздумья старый вожак не спеша трусил своей дорогой, как вдруг его нос уловил едва ощутимый запах чужих волков. Хосуун бежал за давно ушедшими вперед Аарымой и его

подругой, но тут решительно свернул в сторону и исчез в чаще густого леса.

На таинственно сверкающую от голубоватого лунного света поляну, где стая из четырех волков заканчивала пиршество, неотвратимо, будто собирающаяся пролиться дождем грозовая туча, вплыла огромная тень старого волка. Серые разбойники, привыкшие быть постоянно настороже, сразу заметили появление неожиданного гостя. Не желая делиться с чужаком, волки ревниво сгрудились возле своей добычи. Только потом они разглядели, что громадный волк, идущий прямо на них с явным намерением вступить в драку, — это грозный вожак некогда большой стаи. Какими бы разбойниками, привыкшими нарушать все неписанные законы тайги, они ни были, напасть первыми на хозяина этих земель они не решились.

Почувствовавший какую-то внутреннюю свободу оттого, что сейчас он падет в неравном бою с чужаками, защищая свои владения как настоящий вожак, старый боец вздыбил шерсть на загривке, оскалил клыки и смело двинулся на стаю. На свой последний, смертельный бой! Казалось, что лишь от одной этой мысли он стал выше ростом, а мускулы обрели былую силу и гибкость. Испугавшись грозного вида старого вожака, серые бандиты дали деру. К тому же сытые разбойники уже были в курсе того, что Хосуун зимует не один, а еще с двумя волками.

Старый вожак пустился вдогонку за ними. Он жаждал схватки, его глаза горели безумным огнем, на него было страшно смотреть. Молодым бандитам, оглянувшись назад, будто поддали раскаленной железной кочергой под хвост — они взвизгнули и в мгновение ока скрылись в лесу.

Последнее желание старого вожака

Аарыма и Кылбара с удовольствием обходили свои новые владения, постепенно расширяя их. В этот раз пара поднялась вверх по течению Большой речки и удачно поохотилась на боровую дичь — они вдоволь наелись куропаток и рябчиков, прятавшихся от сильных морозов в проделанных в глубоких сугробах лунках. Теперь они возвращались, направляясь в сторону жилья табунщиков. По пути решили навестить Хосууна и вдруг наткнулись на свежие следы недавно пронесшихся мимо волков.

Аарыма терпеть не мог чужаков, и в нем вскипела кровь от раздражения. Хотел было тут же броситься вдогонку, чтобы пришедшие волки задрожали от страха, но спохватился, поскольку его основной целью было проведать старого вожака. Подумав о старом волке, Аарыма вспомнил убитую двуногими подругу, и у него вновь заныла незаживающая душевная рана. Чуть успокоившись, он изучил следы и понял, что чужаков было четверо. Они бежали по глубокой снежной целине,

широко ступая, причем не след в след, а параллельно друг другу, будто кто-то их сильно напугал. Такой энергичный темп долгое время могли выдержать только сытые звери. Выдавший многое на своем веку Аарыма догадался, что серые хищники завалили кобылу из табуна местных двуногих и теперь уносили ноги. После этого желание увидеть старого вожака стало только сильнее — надо было узнать, какое он имеет отношение к этому бегству. Они с Кылбарой быстрой рысцой направились в сторону, откуда неслись перепуганные волки.

Вдали послышался сотрясающий стоячий холодный воздух звук железного коня двуногого. Звук приближался. Аарыма знал: охотники-волчатники всегда выезжают, когда волки убивают лошадей, и особо их появлению не удивился. Удивил его неожиданный лай собаки, которая за кем-то гналась. Они с волчицей стали внимательно прислушиваться — надо было понять, кого преследует пес. Мелькнула нехорошая догадка, и волк решил взобраться на высокий холм, чтобы узнать, в чем дело.

С холма Аарыма и Кылбара увидели великолепную панораму обширной речной поймы, освещенной голубоватым лунным мерцанием. И вдруг они заметили неспешно бредущего волка, который часто оглядывался в сторону леса, будто поджидал кого-то. По его громадному силуэту и по тому, как он держался, пара сразу догадалась, что это был старый вожак. Аарыма и Кылбара взвыли, давая понять Хосууну, что они здесь и ждут его. Старый вожак, истинное дитя тайги, сразу услышал их голос, повернулся и дал им коротким воем сигнал, чтобы они немедленно спрятались и ни в коем случае не подходили к нему. Волки в недоумении притихли и замерли на месте — их темные силуэты, застывшие на голубовато-желтом фоне полной луны, казались вырезанными из черной кожи.

Старый волк в несколько больших прыжков перебрался на другую сторону довольно широкого заливного луга и затаил свой прощальный тойук перед последней охотой. В этом тойуке, казалось, было все: и грусть и тоска по так быстро промелькнувшей жизни, и благодарность седой тайге, и восхваление дедушке Байаная. И еще в этой прощальной песне было напутствие старого вожака Аарыме и его молодой волчице. Застывшие на холме волки прослушали священный тойук с глубокой печалью в сердце.

И тут Аарыма понял, что задумал старый вожак, и будто окаменел, впившись глазами в таинственно мерцающее ночное пространство. Рядом с ним Кылбара, задетая за самое сердце напутственной песней, то взволнованно вскакивала, то вновь ложилась на искрящийся снег, словно спрашивая: мы пойдем к нему? Но услышавший последнюю волю старого вожака волк не мог нарушить ее. Это был закон жизни, и его надо было соблюдать.

Заинтригованная тем, что происходит на земле, полная луна отодвинула облака и поглядела вниз. И она увидела, как на широкий

заливной луг вслед за старым волком выскочила молодая длинноногая собака, совсем еще щенок. С громким тьяканьем она, не раздумывая, бросилась в сторону волка. Ее появление совпало с последними звуками прощального тойука Хосууна. Кылбара увидела пса и, вздыбив шерсть на загривке и оскалив зубы, вскочила, готовая броситься на помощь старому вожаку. Но Аарыма, останавливая волчицу, положил на ее спину свою тяжелую лапу.

К тому моменту, когда старающаяся злобно лаять псина пересекла половину поляны, на ее окраине появился двуногий. Он ехал на железном коне, который сотрясал непотребным шумом ночной морозный воздух и заполнял все кругом вонючим дымом.

Никогда не встречавшаяся с серыми хищниками глупая молодая собака с ходу набросилась на громадного волка. Увидев охотника с ружьем, старый вожак, счастливый оттого, что скоро исполнится его последнее заветное желание, прыгнул навстречу щенку. Собака ничего не поняла и даже взвизгнуть не успела — опытный боец разорвал ее в клочья. Брызнула кровь, и ошметки плоти разлетелись по сторонам.

Охотник увидел бесславный конец своей собаки. Он спрыгнул с «Бурана» как раз в тот момент, когда старый вожак бросился в его сторону. Присев для лучшего упора, волчатник прицелился и сделал несколько выстрелов подряд в стремительно приближающегося к нему хищника. Даже в мерцающем лунном свете было видно, как вздрагивал старый вожак от каждого меткого попадания, но не падал, и его громадная тень будто летела, распластавшись над снежным полем, прямо на охотника. Это была картина, достойная конца некогда грозного вожака большой волчьей стаи.

Когда бездыханное тело старого волка рухнуло на землю совсем рядом с охотником, возле речки нежданно зародился сильный вихрь. Он взметнул в воздух не только клубы снега, но и какое-то волшебное сияние, и оно пронеслось куда-то в темноту ночного неба прямо над головой опешившего охотника. От неожиданности тот упал в глубокий снег.

Еще эхо гулко прозвучавших в ночи смертельных выстрелов не добралось до ушей Аарымы и Кылбары, как они, провожая в последний путь старого славного вожака, затаили в его честь прощальный тойук. Казалось, что печальные отзвуки волчьей песни взволновали и луну и она тоже сейчас подхватит их священный тойук.

Волки даже не видели, как суетливо барахтался в снегу охотник и, едва поднявшись, торопливо уехал, чуть не опрокинув на повороте железные сани.

Эпилог

Яркий свет весеннего неба веет приятным теплом. На открытых пространствах снег уже давно растаял, да и в лесу он сохранился лишь на заледенелых склонах глубоких распадков. Для прилета уток еще

рановато. В их отсутствие первыми глаз охотника радуют чибиcы, облюбовавшие травянистые болота Якутии лишь недавно, — они заполняют луга, как только появляются первые проталины. Но сейчас даже для них еще довольно холодно, и прибывшие раньше всех пигалицы сидят нахохлившись и не летают. А вот трясогузкам, постоянно покачивающим своими длинными хвостами, погода в самый раз. Мельтешение веселых маленьких птичек в черно-белом наряде оживило пустовавшие зимой ётёхи. И также не первый день разносится по всей округе бодрое карканье обычного жителя этих мест, коим, без всякого сомнения, является ворона. Одним словом — пришла весна, и выползло и вылезло все живое, что пряталось суровой зимой в ямках, расщелинах и норках.

Аарыма и Кылбара с того самого печального момента, когда старый волк распластался на последнем снегу своей жизни, ни в какие передряги больше не попадали. Хорошо перезимовали и встретили весну. Как только солнце стало пригревать, волк все чаще стал задумываться о том, чтобы вернуться в родные края. Вскоре это стало заветным желанием, и потому сегодняшней прохладной ночью они пересекли Большую речку и теперь держали путь строго на юг.

...Сердце Матерого забилося, когда они вошли в знакомый ему до боли алаас. Аарыма как сейчас помнил день, когда двуногий сосед не выстрелил в него, чем несказанно удивил волка и изменил его отношение к двуногим. Аарыма провел Кылбару к своему любимому месту в алаасе своего детства — на один из заброшенных ётёхов с одинокой старой сосной, где они и отдохнули. Весенние ночи коротки, и, едва забрезжил белесый рассвет, волки пересекли большую дорогу.

Только сейчас Аарыма почувствовал, как его отпустила тоска по родной земле, прошла накопившаяся усталость и вновь заиграла кровь. Ему стало легко и свободно. Совсем как в детстве, когда жизнь кажется счастливой и бесконечной. Взрослый волк не смог сдержать вспыхнувшего вдруг игривого настроения — он слегка укусил за загривок идущую рядом Кылбару и, оглядываясь, пустился бежать от нее...

Табунщик по имени Алексей, живший в соседнем наслеге, южнее, ехал верхом в сторону западных алаасов, чтобы проведать недавно отогнанных на дальние пастбища лошадей. Солнце уже поднялось выше верхушек деревьев. Стоял прекрасный весенний день, и у человека в глубине души теплилась робкая надежда на то, что Байанай подарит встречу с первым селезнем этого года. А чем черт не шутит!

Вдруг всадник заметил какое-то движение на пригорке старой заброшенной усадьбы, где обычно никого не бывает. Щурясь и прикрыв глаза от солнца ладонями, кое-как разглядел резвящихся собак — большую и маленькую. «Откуда здесь собаки?» — подумал Алексей и тут же понял, что это волки. Он пришпорил коня и вскоре наткнулся на следы зверей, перебежавших дорогу. Лошадь под седлом

брезгливо фыркнула, и он убедился, что это действительно серые хищники. Кольнула неприятная мысль: у его косяков появились опасные соседи.

Алексей спешил, чтобы изучить следы. Он с удивлением рассмотрел со всех сторон огромные отпечатки лап, оставленные одним из волков. Такие большие лапы раньше здесь были только у местного волка, но в последние годы он куда-то пропал и его никто не видел. Тот волк лошадей не трогал, с людьми вроде как не конфликтовал. В ту пору, когда здесь прокладывали просеки, немало бед наделали пришлые серые разбойники. Ну и еще был большой шум, когда волчьи стаи с другого берега большого ручья решали, где будет место нового гона. Также было известно, что местный волк почему-то не сошелся с тем самым человеком, как раз в сторону которого ехал Алексей. Говорили, что тот табунщик, защищая своих лошадей от волков, даже запирали их всех в одном большом загоне. «Надо заехать к нему и рассказать эту новость», — решил Алексей.

Аарыма хоть и заметил всадника, но от захлестнувшей его радости возвращения на родину не придавал этому значения. Сейчас для него не было ничего важнее и дороже едва пробивающейся зеленой травки нового года и витающего в воздухе умопомрачительного запаха распустившейся лиственницы, от которого кружится голова. Его душу переполняла нежность. Даже если бы сейчас он встретил своего самого лютого врага, не стал бы нападать на него и драться с ним.

В Аарыме проснулись вся нерастратенная нежность и любовь, в которых теперь, как в лучах весеннего ласкового солнца, купалась красавица Кылбара.

Над алаасом с танцующими влюбленными волками плыли белоснежные облака.

